

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

А. А. ИЕССЕН

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ

ЛЕНИНГРАД - 1947

Введение¹

Одним из интереснейших периодов в истории нашей страны является время распространения в причерноморских степях скифской культуры, знаменующей собою резкий и глубокий перелом в развитии населения нашего юга. Культура скифов, известная нам с VII—VI вв. до х. э., целым рядом основных черт отличается от предшествующей ей культуры бронзового века. Скифские племена уже широко использовали железо; некоторые из этих племен являлись первыми, самыми ранними скотоводами-кочевниками в причерноморских и приазовских степях; от своих предшественников скифское общество отличалось глубоким имущественным расслоением, выделением племенной знати, распадом социальных отношений первобытно-общинного строя. В течение целого ряда столетий скифы прошли сложный и долгий путь исторического развития.

В этот же исторический период на северных берегах Черного моря возникают поселения колонистов-греков, в лице которых местное население впервые вступает в постоянные сношения с представителями античного рабовладельческого общества.

Многовековая история греческих городов Причерноморья.

¹ Настоящая работа написана в 1942 г. в Свердловске. В условиях военного времени не было возможности использовать в полной мере относящуюся к разбираемому вопросу литературу. Необходимо с благодарностью указать, что только предоставление широкого доступа к находившейся в Свердловске библиотеке Херсонесского музея позволило привлечь хотя бы самые основные источники. Особенно существенным пробелом является невозможность ознакомиться с новой, еще не изданной, книгой М. И. Артамонова о скифах, где ряд затронутых мною вопросов, очевидно, получил новое освещение.

длительные их взаимоотношения со скифами и другими насельниками края, сложные взаимодействия двух различных и по своему происхождению, и по внутреннему содержанию культур привели в результате к новой исторической и культурной обстановке на нашем юге, в условиях которой в последующее время шло формирование восточнославянских племен и образование первого русского государства. |

Сказанным определяется глубокий интерес эпохи скифов и греческой колонизации не только для местной истории юга нашей страны, но и значительно шире — для всей истории СССР. Этот интерес нашел свое отражение во множестве специальных исследований и общих исторических работ, посвященных различным вопросам и аспектам истории греческого и скифского мира в Причерноморье. Тем не менее многие проблемы еще остаются неразрешенными, причем особенно слабо освещены ранние этапы развития как местного скифского населения, так и греческих городов.

В частности, вопрос о возникновении греческих колоний в северном Причерноморье разрабатывается уже свыше ста лет и имеет большую литературу; до сих пор, однако, многие важные стороны этого процесса не получили еще научного освещения. Внимание исследователей привлекала в первую очередь хронологическая проблема, т. е. вопрос о времени основания той или иной колонии; значительно меньше интереса вызывало выяснение гораздо более важного по существу вопроса о внутренних закономерностях исторического развития, обусловивших появление греческих городов на северном побережье Черного моря.

Еще относительно недавно господствующая точка зрения на эту последнюю проблему сводилась к достаточно примитивному взгляду, видевшему в колонизации северного Причерноморья результат только одной истории греческих племен. Сложная обстановка, возникшая в Греции и в Эгейском бассейне в начале I тысячелетия до х. э., после так называемого дорийского переселения, сопровождаемая ускоренным всесторонним развитием хозяйства и культуры, ростом населения, усиленной классовой борьбой, образованием государств и военными столкнове-

ниями, вынудила греков, согласно этому взгляду, с VIII в. начать торговую колонизацию побережий Средиземного моря и прилегающих бассейнов, в том числе и северного Причерноморья.¹ При таком одностороннем подходе совершенно не учитывалось историческое развитие местного населения колонизируемых областей.

В применении к северному Причерноморью это приводило к игнорированию исторического развития, завершившегося к времени греческой колонизации образованием скифского общества в степях Восточной Европы. Появление скифов объяснялось при этом миграцией кочевников из глубин Азии, причем на этих кочевников, будто бы, с самого начала оказывали сильнейшее влияние греческая торговля и греческие колонии. Это влияние многими авторами считалось настолько сильным, что даже своеобразный стиль скифского искусства, так называемый скифский звериный стиль, считался возникшим полностью, или хотя бы в основном своем выражении, под прямым воздействием ионийского искусства (Фармаковский, Еберт, Шефольд).² Таким образом, возникновение греческих городов, с одной стороны, и скифского общества, с другой, — оказывались явлениями, совершенно независимыми друг от друга и как бы только случайно синхронными, тогда как дальнейшая история северного Причерноморья полностью обуславливалась влиянием греков.

Значительно глубже соответствующий круг вопросов разбирался в работах М. И. Ростовцева, опубликованных в 1918—

¹ Исключительно с точки зрения развития греческой торговли и торговых интересов освещен процесс колонизации северного Причерноморья даже у такого объективного исследователя, как E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 438—440. Об одностороннем изучении ранней истории северного Причерноморья см.: M. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, стр. 1, 7, 12.

² Б. Фармаковский, *Арханчский период в России*, МАР, 34, 1914, стр. 18 сл., 32—36, 77—78; M. Ebert, *Südrussland im Altertum*, Bonn, 1921, стр. 167—169; его же статья „Südrussland“ в *Reallexikon der Vorgeschichte*, XIII, стр. 72 сл.; S c h e f o l d, *Der skythische Tierstil in Südrussland*, ESA, XII, 1938, стр. 65—67, 71.

1922 гг.¹ Однако и у него, несомненно одного из крупнейших дореволюционных историков, касавшихся ранних периодов истории Южной России, в основе всей концепции лежит недооценка местного закономерного исторического процесса и связанная с этим чрезмерно высокая оценка внешних влияний, а также чрезвычайная модернизация в трактовке скифского общества как общества феодального. Поэтому и Ростовцев не смог в достаточной степени выяснить причины и исторические предпосылки греческой колонизации.

За последние 20 лет советская археологическая и историческая наука собрала огромное количество новых материалов и, благодаря применению более совершенных методов исторического исследования, получила возможность по-новому поставить, а отчасти и разрешить целый ряд вопросов, относящихся к истории Причерноморья в древности.

В отношении нашей темы основные итоги развития науки за истекшее двадцатилетие могут быть сформулированы следующим образом:

1) Совершенно по-новому поставлен вопрос о процессе формирования скифского общества, представляющего закономерный этап в историческом развитии местного, в широком понимании слова, населения наших степей—этап,—знаменующий собой переход этого населения на высшую ступень варварства.

2) Накоплен большой материал и выполнен ряд исследований, характеризующих условия сосуществования греков-колонистов с местным населением северного Причерноморья.

3) Уточнены датировки многих групп археологических памятников, относящихся как к местному населению, так и к колониям. Уточнены также наши представления и о времени возникновения некоторых колоний.

Однако при наличии таких больших успехов в разработке древней истории Причерноморья вопрос об исторических предпосылках греческой колонизации все же в значительной мере

¹ М. И. Ростовцев, Эллины и иранцы на юге России, П., 1918; M. Rostovtsev, South Russia in the Prehistoric and Classical Period, Amer. Hist. Review, XXVI, № 2, 1921, стр. 203—204; M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922.

остался неясным, или, по меньшей мере, мало подвинулся вперед в своей разработке.

Для нас сейчас бесспорной является невозможность рассматривать процесс греческой колонизации односторонне с точки зрения одного лишь исторического развития Греции, вне учета состояния местного населения, с которым греки вступали в постоянные сношения. Однако конкретных исследований, которые показали бы, как эти сношения завязывались и привели к возникновению греческих колониальных городов, мы пока еще не имеем.

При таком состоянии проблемы должна быть учтена всякая возможность ее хотя бы частичного освещения.

Нашей задачей сейчас и является попытка привлечь к разработке поставленного вопроса прежде всего некоторый новый археологический материал, характеризующий взаимоотношения населения северного Причерноморья с более южными странами в период, предшествующий возникновению греческих поселений. Затем мы остановимся на некоторых чертах самого процесса колонизации, обусловленных особенностями развития местного населения нашего юга.

Таким образом, мы будем стремиться показать процесс нарастания предпосылок колонизации и ее развития как процесс двусторонний, для исследования которого необходимо комплексное привлечение источников, как местных, так и греческих.

Это основное требование советской исторической науки в применении к причерноморским колониям постоянно проводили в своих исследованиях и неоднократно формулировали С. А. Жебелев и А. Н. Зограф, крупнейшие наши специалисты, безвременно погибшие в дни первой зимы блокады Ленинграда немецкими захватчиками.

Недавно еще С. А. Жебелев писал: «Безошибочно можно утверждать, что и Боспор, и Херсонес, и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени по всем направлениям своей экономической жизни».¹ Точно так

¹ С. А. Жебелев, Народы северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 161.

же и история их не может разрабатываться без тесных связей с историей местного населения.

Посвящая эту работу памяти ушедших старших товарищей хотелось бы считать, что она знаменует готовность специалистов по истории местного населения Причерноморья включиться в совместное исследование одной из важнейших эпох в прошлом нашей страны. Только интенсивной и конкретной работой мы сумеем в кратчайший срок восполнить те тяжелые потери, которые и наш участок научного фронта понес в результате нападения фашистов на Советский Союз.

Из истории вопроса

Когда в самом конце XIX в. в западном Поднепровье впервые была открыта замечательная Трипольская культура энеолитического времени, резко выделяющаяся из всего восточноевропейского окружения своей расписной керамикой, внимание исследователей сразу было обращено к юго-западу, где в придунайских странах и далее в Македонии и Фессалии, в Греции и на Крите уже было обнаружено широкое распространение различных групп расписной глиняной посуды, длительно бытовавшей здесь, начиная с энеолита и до появления греческой геометрической керамики.

Проф. Е. Штерн, занявшийся исследованием Трипольской культуры в Бессарабии, выступил в 1905 г. на XIII археологическом съезде с докладом о своих исследованиях в Петренах, в котором Трипольская культура была охарактеризована как «домикенская» или «доисторическая греческая культура на юге России». ¹ В носителях Трипольской культуры Штерн предположительно видел предков исторических греков, переселившихся впоследствии на Балканский полуостров. Таким образом, Штерн, правильно подметив подтвердившуюся дальнейшим накоплением материала общность культуры западного Поднепровья, нижнедунайских стран и отчасти более южных областей Балканского полуострова, сделал из этого факта вывод,

¹ Е. Штерн, Доисторическая греческая культура на юге России. Труды XIII археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, стр. 9 слл. В менее отчетливой форме та же постановка дана в статье E. v. Stern, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung, Klio, IX, 1909, стр. 140—141.

неправильный по существу, но обусловленный господствовавшей в те годы методикой, видевшей в появлении сходных или аналогичных археологических комплексов в различных местностях прежде всего результат миграции племен, связывавшей эти местности между собою. Во всяком случае, взгляд Штерна был не менее обоснован, чем высказывавшиеся впоследствии гипотезы о происхождении предков исторических греков с северо-запада.

Вслед за Штерном, некоторые исследователи в Западной Европе до сих пор рассматривают область Трипольской культуры как прародину греков или как один из этапов их доисторических миграций.

Аналогичный характер носили соображения, основанные на наличии в Малой Азии древней расписной керамики, по своей орнаментации связывающейся в некоторой степени с отдельными группами балканской, дунайской и украинской, трипольской керамики. Учитывая это обстоятельство и установленное на основании документов богазкейского архива существование в центральной Малой Азии во II тысячелетии до х. э. индоевропейских языковых форм и имен, некоторые ученые, приверженцы гипотезы об европейской прародине индоевропейцев, стали конструировать иную миграцию — из области Трипольской культуры, через Фракию, в Малую Азию, видя в трипольцах предков позднейших хеттов или, по меньшей мере, один из этнических элементов, слагающих хеттский комплекс.¹

Эти и подобные построения для нас являются пройденным этапом в истории науки. Не имея возможности в данной связи подробно останавливаться на характеристике исторического развития Трипольской культуры, мы напомним только о том, что она является одним из звеньев обширного комплекса земледельческо-скотоводческих культур эпохи энеолита, широко распространенных в III тысячелетии до х. э. в юго-восточной Европе. Отдельные группы этих культур развиваются в значи-

¹ Например: O. Menghin, Die ethnische Stellung der ostbandkeramischen Kulturen. Tocharer und Hettiter. Ювіл. збірник акад. Грушевського, т. I, Киев, 1928, стр. 3—25; Б. Грозный, Хеттские народы и языки, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 27 и 29, и ряд других его работ.

гельной степени параллельно и, несомненно, связаны между собой путями обмена и культурных воздействий, что, однако, отнюдь не означает еще переселения племен. Одновременные культуры Греции и Малой Азии имеют также ряд родственных черт, но в общем являются несколько более развитыми, чем культуры более северных областей. С другой стороны, выдвинутое Н. Я. Марром положение о стадийном характере индоевропейских языков, развившихся из более древних языков яфетической системы,¹ устраняет необходимость искать во что бы то ни стало предков индоевропейцев — греков и индоевропейских элементов в древнем населении Малой Азии во вне, в иных областях, будь то область Трипольской культуры, или Средняя Азия, или же северо-запад Европы.

Если авторы упомянутых гипотез считали область Триполья дающей активной стороной в древнейших сношениях северного Причерноморья с югом, то некоторые другие ученые, особенно в последнее время, выдвинули иную точку зрения, прослеживая проникновение в Причерноморье культурных влияний южного, древневосточного и эгейского происхождения, начиная с III тысячелетия до х. э.

Ряд авторов склонен был самое появление Трипольской культуры, с ее керамикой и культовыми изображениями человека и животных приписать длительному культурному воздействию эгейского мира на северные страны. Такая точка зрения особенно отчетливо выступает в известной сводной работе Ю. В. Готье, изданной в 1925 г.² В этой же работе влиянию Передней Азии приписано появление кавказских дольменов, как и целый ряд явлений в ранней северокавказской культуре медного века.³

Польский исследователь Стефан Пшеворский пытался в ряде статей установить существование торговых сношений между

¹ Н. Я. Марр, Индоевропейские языки Средиземноморья. ДАН-В 1924, стр. 6—7 (перепечатано в „Избранных работах“, т. I, 1933, стр. 185—186) и ряд его последующих работ.

² Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, I, Л., 1925, стр. 82—83.

³ Там же, стр. 66, 82, 99—100.

странами Древнего Востока и северным Причерноморьем, используя в этих целях ряд археологических находок.¹ К сожалению, некритическое привлечение материалов привело к тому, что выводы его основаны в значительной мере на находках или недостоверных, или же ошибочно отнесенных к северному Причерноморью или, наконец, явно поддельных.² Таким образом, интересные по своему замыслу работы Пшевворского не подвинули вперед разработку поставленного им вопроса.

Что же касается проникновения в Причерноморье отдельных изделий эгейского происхождения, то оно было отмечено А. М. Талльгреном, правильно указавшим на поздне-микенский тип двусторонних бронзовых секир Щетковского и Козорезовского кладов II тысячелетия до х. э. на Херсонщине.³

Отнесение к импорту из Эгейского бассейна некоторых северокавказских находок, как, например, найденных в Ульском ауле на Кубани двух алебастровых женских статуэток⁴ или медного плоского ножа из Майкопского кургана, по форме напоминающего критские «бритвы»,⁵ сейчас, при более глубоком

¹ Stefan Przeworski, *Bronzowie naczynie Hetyckie z Ukrainy, Wiadomości Archeologiczne*, X, Warszawa, 1928; е г о ж е, *Syro-hettitische Bronzen aus Südrussland, R.—L.—d. Vorgeschichte*, XIII, Berlin 1929, стр. 159—160, табл. 51; е г о ж е, *Znalezisko Kruchowickie, Swiatowit*, XIII, 1929, стр. 32—68; е г о ж е *Zagadnienie wpływow Bliskiego Wschodu w kulturze fatjanowskiej Rosji Srodkowej, Swiatowit*, XV, 1932/33, стр. 23—64; е г о ж е, *Vorderasien und Osteuropa in ihren vorgeschichtlichen Handelsbeziehungen, Klio*, 25, 1932, стр. 22—31; е г о ж е, *Die Handelsbeziehungen Vorderasiens zum vorgeschichtlichen Osteuropa*, в сборнике: *La Pologne au VII Congrès Int. des Sciences Historiques* (мне осталось недоступной).

² См. рецензии: И. Л. Снегирев, *О некоторых псевдо-хеттских статуэтках, СГАИМК*, 1931, № 8, стр. 28—30; К. Поликарпович, *Пшевворский Ст., Круховицкая находка. Проблемы истории материальной культуры*, 1933, № 9—10, стр. 66—69.

³ А. М. Tallgren, *La Pontide prééthyque, ESA*, II, Helsinki, 1926, стр. 161—164.

⁴ Н. И. Веселовский, *Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе, ИАК*, вып. 35, стр. 1—11 и табл. 1—II.

⁵ Н. Schmidt, *Vorgeschichte Europas*, 1924, стр. 101.

знакомстве с археологическими памятниками Кавказа, следует признать неправильным. Предметы эти, по всей видимости, являются местными — кавказскими.

Неудачной оказалась также и попытка Л. А. Моисеева усмотреть в развалинах так называемых «башен» Гераклеийского полуострова следы древнейшей микенской колонизации Крыма.¹ При первой же проверке эта гипотеза отпала, как совершенно необоснованная.

Таким образом, делавшиеся до сих пор попытки проследить проникновение южных влияний в северное Причерноморье в эпоху, предшествующую греческой колонизации и образованию скифского общества, так же не привели к сколько-нибудь ясному представлению о действительных взаимоотношениях, существовавших в этот период исторического развития между племенами северного побережья Черного моря и южными странами.

В самое последнее время вышла работа В. Чепелева,² в которой автор, ссылаясь на взгляды Н. Я. Марра, говорит об исконной культурной общности населения всего черноморского бассейна и греческого мира, устанавливает наличие стадии «национальной античности» у населения юга СССР и утверждает, что только быстрое развитие Эллады в VIII—VI вв. до х. э. создало стадийный разрыв между греками и племенами Причерноморья. Чрезвычайно неконкретная, эта работа ни в какой степени не подвинула вперед разработку поставленной проблемы.

Следовательно, вопрос о связях северного Причерноморья с югом необходимо рассмотреть заново, используя весь ряд имеющихся сейчас в нашем распоряжении археологических наблюдений, позволяющих в какой-либо мере осветить сношения племен наших степей с южными странами.

¹ И. Н. Бороздин, Новейшие археологические открытия в Крыму. Новый Восток, кн. 7, 1925, стр. 223 (и отдельно); его же, К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеийского полуострова. Труды отделения археологии РАНИИ, I, М., 1926, стр. 47—50.

² В. Чепелев, Об античной стадии в истории искусства народов в СССР, М.—Л., изд. Искусство, 1941.

Прежде чем обратиться к этим фактам, необходимо сделать два предварительных замечания. Первое из них относится к кругу используемого материала. Следует сказать, что предметы иноземного происхождения в археологических собраниях местных музеев и в старых частных коллекциях часто приписываются данной местности без достаточного основания. Очень легко на основании таких предметов сделать ошибочные заключения о существовании меновых или торговых связей между двумя территориями в далеком прошлом, тогда как появление соответствующей вещи в данной местности может относиться к нашим дням. Поэтому в дальнейшем мы ограничим круг разбираемых фактов только наиболее достоверными находками, отмечая в сомнительных случаях степень их достоверности.

Второе замечание относится к самому построению работы. Мы будем стремиться отдельные свидетельства, говорящие о межплеменных сношениях, обмене, торговле и войнах, показать на фоне общего исторического процесса, протекавшего в причерноморских степях, так как только в этом случае будет понятно, почему эти сношения в конечном итоге привели к колонизации побережья греками, притом в совершенно определенных момент этого процесса.

Обратимся к фактам, учитывая, что при недостаточной археологической изученности нашего юга этих фактов в нашем распоряжении пока еще очень немного.

II

Сношения северного Причерноморья с югом в III и в начале II тысячелетия до х. э.

Предпосылки для возникновения и роста постоянно действующего межплеменного обмена окончательно складываются с переходом первобытных племен на среднюю ступень варварства. Этот переход связан с развитием земледелия и скотоводства, с последующим затем первым великим общественным разделением труда, вызванным выделением скотоводческих племен из общей массы варваров.

На интересующей нас территории северного Причерноморья

эти предпосылки возникают с образованием поздненеолитической Трипольской культуры, находящейся на грани средней ступени варварства и в своем развитии охватывающей, грубо говоря, почти все III тысячелетие до х. э. Территориально Трипольская культура распространялась в пределах всей правобережной Украины до бассейна Тетерева и района Житомира на севере, до Тарнопольской, Станиславской и Черновицкой областей на северо-западе и в пределах румынской Молдавии на юго-западе.

Племена Трипольской культуры вели земледельческое и скотоводческое хозяйство, удовлетворяя в основном все свои потребности собственным производством, однако определенное место занимают и меновые сношения с соседними племенами. Следы этого обмена мы можем уловить, например, в проникновении на территорию Трипольской культуры, не располагающую местными рудными ресурсами, первых металлических изделий из меди, главным образом массивных топориков, воспроизводящих форму плоских каменных топоров. Можно более или менее уверенно говорить о происхождении этих древнейших на Украине металлических изделий из района семиградских медных месторождений, где существовала родственная Трипольской культура.

На позднем этапе Трипольской культуры, в южной части ее территории, выделяется культура так называемого усатовского типа. Здесь в Причерноморском районе, примерно в начале II тысячелетия до х. э., мы сейчас можем проследить появление металлических изделий иных типов и иного происхождения. Представлены они целой серией кинжалов, плоских топориков, долот, острий из меди и серебряным височным колечком, найденными в курганных погребениях в Усатове около Одессы.¹ Кроме того, несколько аналогичных предметов обна-

¹ Металлические изделия из Усатова готовятся к изданию Е. Ф. Лаговойской. Пока см.: В. И. Селинов и Е. Ф. Лаговая, Раскопки Одесского ист.-археол. музея под Одессой в 1936 г., Советская Археология, V, 1940, стр. 256 сл.; О. Лаговська, Проблеми Усатовської культури, Інститут історії і археології України, Наукові записки, I, 1943, стр. 53 сл.

ружено в разных местах на Херсонщине.¹ При очень слабой изученности памятников этого времени на Балканском полуострове и в Малой Азии пока трудно определить их происхождение. Однако то обстоятельство, что они рядом черт отличаются от изделий семиградских и северокавказских, с одной стороны, а с другой — имеют сходство с находками на эгейских островах, позволяет относить их к южным металлургическим очагам, скорее всего к западной части Малой Азии. В этом же направлении ведет нас найденный на Усатовском поселении кусок сурьмяной руды (антимонита) малоазийского происхождения.² Если и можно допустить изготовление этих изделий, или части их, на месте, о чем, повидимому, свидетельствует найденный на том же поселении тигелек со шлаками, то самые типы вещей, несомненно, являются импортными с юга.

Разумеется, нет оснований говорить о прямых морских сношениях между этими областями; скорее всего мы должны предположить возникновение соседского межплеменного обмена, действующего от племени к племени, но в известной мере, вероятно, уже использующего каботажные морские пути.

Племена приазовских степей, обитавшие к востоку от «трипольской» территории, в своем культурном развитии отставали от трипольцев; в течение III тысячелетия до х. э., здесь, на востоке, не улавливается следов подобного обмена. В последующее время эти племена в большей степени ориентируют свои меновые связи на юго-восток, в сторону Кавказа, чем на юго-запад, в сторону Балкан и Эгейского мира.

Что касается Северного Кавказа, то мы пока еще очень плохо знаем историю его культуры в течение III тысячелетия до х. э. Только к концу этого периода можно относить богатую и относительно развитую культуру, блестяще представленную в Прикубанье известным Майкопским курганом и целым рядом других погребений и находок так называемой ранне-кубанской

¹ Частично приведены у А. М. Tallgren, *Studies on the Pontic Bronze Age*, ESA, XI, 1937, стр. 111, рис. 4: 1 и 3; его же, *Etudes sur le Caucase du Nord*, ESA, IV, 1929, стр. 36, рис. 31—32.

² Б. Калустов. Данные анализы некоторых находок из Усатовских раскопок 1921. *Вісник Од. Ком. Краєзнавства*, 2—3, 1925, стр. 66—67.

группы.¹ Все те внешние связи, которые можно бесспорным образом установить в этой группе, ведут на юг и юго-восток, в Иран (цветной камень: бирюза, ляпис-лазурь и, повидимому, сердолик) и во внутренние области Малой Азии (бусы из морской пенки).² Вопрос о происхождении металла наиболее ранних погребений этой группы, в том числе Майкопского кургана и Старомышастовского клада (медь, золото, серебро), окончательно сможет быть разрешен после более полного выявления одновременной культуры Закавказья, пока еще почти не известной.³ В более поздних погребениях этой же группы (курганы Новосвободной — 6. Царской — станицы и др.) медные изделия уже, несомненно, местного происхождения.⁴ Попытки усмотреть влияние Эгейской культуры или прямой импорт из ее области в большом кинжале Майкопского кургана, как уже упомянуто, не обоснованы. Может быть в дальнейшем, по мере исследования Малой Азии, мы найдем там общие прототипы и эгейских и кавказских форм.

Таким образом, мы можем подвести первый итог, установив, что в конце III и начале II тысячелетия до х. э. отчетливо прослеживается наличие меновых сношений населения северного Причерноморья с южными странами. Сношения эти у племен Усатовской культуры в конечном счете вели на юго-запад, в западную Малую Азию и Эгейский бассейн, тогда как у пле-

¹ Попытка Б. Е. Деген-Ковалевского отнести всю эту группу к значительно более позднему времени около конца II и начала I тысячелетий до х. э. (Проблема датировки больших кубанских курганов. Краткие сообщения ИИМК, II, 1939 г., стр. 14—17), на мой взгляд, не выдерживает критики и Разбору этого важнейшего вопроса необходимо, однако, посвятить специальное исследование с приведением полной аргументации, что не может быть выполнено в рамках настоящей работы.

² А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, 1935, вып. 120, стр. 81—82; его же, Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии, III Межд. конгресс по Иранскому иск. и арх. Доклады, М.—Л., 1939, стр. 94.

³ Иессен, К вопросу..., стр. 85; его же, Древнейшая металлургия Кавказа, стр. 94.

⁴ Иессен, К вопросу..., стр. 87; его же, Древнейшая металлургия Кавказа, стр. 94.

мен Прикубанья они шли в сторону Ирана и внутренней Малой Азии.

Следовательно, в это время мы можем наметить два пути южных связей северного Причерноморья: путь юго-западный или эгейский, проходящий по побережью Черного моря и пользующийся, возможно, уже и каботажным мореплаванием, и путь юго-восточный или переднеазиатский, по всем признакам сухопутный, ведущий в Закавказье и далее на юг.

III

Сношения северного Причерноморья с югом во II тысячелетии до х. э.

Второе тысячелетие до х. э. явилось временем дальнейшего развития племен северного Причерноморья, находившихся на средней ступени варварства, в условиях культуры медно-бронзового периода. Племена эти вели земледельческое и скотоводческое хозяйство, причем соотношение этих двух основных отраслей производства было различным в различных районах. Так, во всей правобережной Украине и в предгорной зоне северного Кавказа земледелие играло значительную роль, тогда как в степях левобережной Украины и Предкавказья постепенно все более возрастал удельный вес скотоводства. Что касается внешних сношений варварских племен северного Причерноморья, то мы не замечаем никаких признаков значительных миграционных передвижений, будь то извне в занимающую нас область, или же из ее пределов в соседние страны, в том числе и на юг. Насколько нам сейчас ясны внутренние процессы развития этих племен — для возникновения таких передвижений и не было никаких причин. Таким образом, II тысячелетие до х. э. в общих чертах являлось периодом спокойного постепенного развития культуры. Внешние сношения в этих условиях выражались в формах межплеменного обмена, притом касавшегося, как и в предшествующее время, главным образом готовых изделий из металла, отчасти из камня, спрос на которые естественно возникал в районах, не располагавших соответствующим местным сырьем.

Как и раньше проникновение подобных изделий в северное Причерноморье происходит по прежним двум направлениям — юго-западному и юго-восточному.

Начнем с юго-западного направления. Сейчас, при отсутствии специальной проработки соответствующего вещественного материала, мы не можем дать полного представления обо всех импортных с юго-запада предметах, найденных на Украине. Ограничимся некоторыми бесспорными случаями.

К середине II тысячелетия до х. э. или, вернее, к несколько более позднему времени относится известный «Бессарабский клад» из села Бородина б. Аккерманского уезда.¹ В составе этого клада имеются четыре больших каменных секиры из змеевика и нефрита (?), наиболее близкие аналогии которым встречены в известном кладе «L», открытом Шлиманом в Трое и включавшем четыре подобных, хотя и несколько более ранних, секиры; из них одна из ляпис-лазури и три из нефрита (?).² Далее, в бессарабском кладе представлены два обломка подобных же секир, три навершия булавы из камня и ряд парадных предметов из серебра с золотой инкрустацией, а именно один кинжал, два целых втульчатых наконечника копий и один обломок такого же наконечника, наконец, одна булавка с пластинчатой ромбической головкой. Подобные предметы из серебра абсолютно не свойственны северному Причерноморью, тогда как в Малой Азии и в Эгейской области серебро в Микенскую эпоху использовалось очень широко. Змеевик мог происходить или с Запада или из Малой Азии, или, наконец, с Кавказа. Однако, так как форма каменных топоров указывает на Малую Азию, а отнюдь не на Кавказ, и, вопреки Штерну, не на Венгрию, то, очевидно, клад следует считать происходящим из Малой Азии, скорее всего из ее северо-западных областей. Такой несвойственный Малой Азии материал, как ляпис-лазурь

¹ Е. Штерн, Бессарабская находка древностей 1912 г., МАР, вып. 34, СПб., 1914, стр. 2 сл. Издатель считал клад этот происходящим с запада, из Венгрии. Клад многократно использовался в литературе, подробно останавливаться на нем в данной связи нет возможности.

² W. Dörpfeld, Troja und Ilion. I, Athen, 1902, стр. 374—375, рис. 323—325.

и нефрит, мог быть доставлен из тех же восточных среднеазиатских источников, откуда он проникал и в Египет, и в Сирию, и, наконец, в Шумер. Находка клада в южной Бессарабии говорит, повидимому, о пользовании прибрежным сухопутным или морским путем из районов Босфора к устью Днестра.

Ко второй половине или, точнее, к третьей четверти II тысячелетия (около 1500—1250 до х. э.) относятся на Украине находки эгейских бронзовых двойных секир. Сейчас мы знаем три такие находки: 1) клад из Щеткова в Побужье, состоявший из 6 секир, обломка плоского топорика и 11 примитивных серпов;¹ 2) клад из Козорезова на левом берегу Ингула, состоявший из 2 больших двойных секир, 12 серпов и каменного сосудика;² 3) единичная находка большой бронзовой секиры из б. Екатеринославской губернии.³ Имеются также сведения о находке топоров и серпов типа козорезовских вблизи Березанского лимана,⁴ а также одной такой же секиры на р. Конке.⁵ Секиры этого типа относятся к поздне-микенским формам. Их территориальное распространение охватывает Крит, Эгейские острова, материковую Грецию, западные районы Малой Азии (в том числе VI город Трои). В Болгарии известны только 3 подобных секиры, в Румынии, насколько я знаю, — ни одной;⁶ в северном же Причерноморье, в небольшом районе, не менее 10 секир. Сопровождающие эти секиры в обоих кладах серпы по своим формам также вполне могут происходить из западной Малой Азии или из Эгейского бассейна.

¹ Архив ИИМК, фонд Археол. комиссии, дело 1892:127; Tallgren, *La Pontide préscythique*, ESA, II, стр. 162 и рис. 95.

² ЗООИД, III, стр. 567; Aspelin, *Antiquités du Nord finno-ougrien* 360—363; Tallgren, указ. соч., стр. 162 и рис. 97.

³ Собрание Романченки в Эрмитаже; ср.: Tallgren, указ. соч., стр. 173.

⁴ П. О. Бурачков, *Объяснения к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма*, Древности, XII, 1888, стр. 13, № 6.

⁵ Брун, *Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии*, Древности Геродотовой Скифии, II, СПб., 1873, стр. LXXXII.

⁶ Недоступной осталась для меня новейшая работа: C. F. Hawkes, *The Double Axe in Prehistoric Europe*. British School Athens, session 1936—1937, XXXVII, стр. 141—159.

Таким образом крайне немногочисленные, пока, находки импортных вещей в северном Причерноморье свидетельствуют о продолжающемся использовании юго-западных связей в той же области, где ранее развивалась усатовская культура.

Иную картину мы наблюдаем на юго-восточном направлении. Здесь, в Закавказье и на Северном Кавказе, во II тысячелетии до х. э. протекают во многом для нас еще недостаточно ясные процессы исторического развития, в результате которых на Кавказе складывается целый ряд отдельных культурных групп, в конечном счете соответствующих определенным этническим группировкам, племенам и группам племен. В условиях соседства с более развитыми уже классовыми обществами Передней Азии эти племена скотоводов и земледельцев, развиваются более интенсивно и ускоренно, чем племена северного Причерноморья. В особенности это относится к Закавказью, к сожалению, археологически для данного периода пока еще очень слабо изученному.

Как бы то ни было, мы можем наблюдать определенный факт прекращения того импорта из Передней Азии, который так ярко выступает в Предкавказье в более раннее время, в группе Майкопского кургана и связанных с ним памятников. Перерыв этот должен быть объяснен событиями или переменами в культурном развитии Закавказья, пока нам ближе не известными. В результате этих событий путь на северный склон Кавказа для переднеазиатских предметов импорта оказался прегражденным. Не исключено что обнаруженная в последние годы богатая культура на Цалке в Грузии,¹ явно связанная с более южными странами, а по времени (середина II тысячелетия до х. э.) более поздняя, чем майкопская группа Северного Кавказа, даст нам в дальнейшем ключ к пониманию этого явления. Возможно, что возникновение крупного культурного очага в южном Закавказье и связанное с ним объединение местных варварских племен, явилось тем препятствием, которое

¹ Б. А. Куфтин, К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 5—35; его же. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941 стр. 78 сл.

помешало дальнейшему развитию начавшихся было сношений между областью горного Кавказа вплоть до Прикубанья и Передней Азии.

При отсутствии импортных переднеазиатских изделий на Северном Кавказе они, естественно, не могли проникать и дальше на север, в пределы степей. С другой стороны, однако, на самом Кавказе, в области Кавказского хребта, в этот период сложился относительно развитой и самостоятельный очаг местной культуры, характеризуемый своеобразными металлическими (медными) изделиями, особой керамикой, каменными боевыми топориками из змеевика. Памятники этой культуры распространены по обе стороны центральной части Кавказского хребта и примыкают к предкавказским степям на всем протяжении от верхней Кубани до района Грозного.¹

Из пределов этой северокавказской культуры II тысячелетия до х. э. целый ряд предметов, главным образом орудия из меди, а также украшения из меди и из кости проникают на север в степи. Отдельные находки таких предметов известны в астраханских степях, на левобережье Волги в Саратовской области, на Дону у станицы Константиновской, на Харьковщине,² на нижнем Днепре.³

В это же время начинает обособляться еще один очаг металлообработки на северо-западе Кавказа в пределах Закубанья и северной половины Кавказского побережья Черного моря. Примыкая, повидимому, в основных чертах своего развития к соседней северокавказской культуре, эта группа выделяется, главным образом, своеобразием своих металлических изделий, продолжающих развитие тех форм, которые были представлены в послемайкопской группе погребений, в курганах станицы Ново-

¹ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, стр. 104—105; Б. Е. Деген, Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, Мат. и иссл. по археологии СССР, вып. 3, М.—Л., 1941, стр. 213—298.

² А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 100—101.

³ Д. Я. Самоквасов, Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей, Варшава, 1892, табл. I, 12.

свободной (б. Царской) и связанных с ними памятниках. Весьма вероятно, что значительная часть изделий из меди, относящихся ко II тысячелетию до х. э. и найденных в пределах Крыма, левобережной Украины, в Подонье и в Предкавказье, должна быть приурочена к этому очагу; решить этот вопрос можно будет только после специального его изучения, пока едва только начатого.¹

Особенно интересно отметить, что наиболее ярко предметы этой группы выступают в южных районах Украины. Сюда относится замечательный клад из Аджияска, близ Одессы,² состоявший из 19 плоских топоров, 1 проушного топора и 1 массивного долота, имеющих ближайшие аналогии только на Кубани. Здесь же следует упомянуть находку четырех вислобушных топоров в Михайловке, б. Екатеринославского уезда,³ ближайшим образом сходных с рядом кубанских находок и с топором клада из Привольного на Ставропольщине. Подобный же топор из б. Херсонской губернии имеется в Киевском музее.⁴

При очень слабой изученности территории Крыма, пока трудно сказать, каким путем эти кубанские изделия проникали на Днепр и в район Одессы, но путь через Крым, возможно, уже использовался. Один медный топорик северокавказского типа известен из района Феодосии (Феодосийский музей).

Кроме перечисленных изделий из металла, в археологическом материале причерноморских и приазовских степей можно указать еще на одну группу находок, связанную своим происхождением с Северным Кавказом, а именно на каменные боевые топоры или секиры специфически — кавказских форм

¹ См. мою работу, печатающуюся в Трудах Гос. Эрмитажа: Новые данные о производстве меди и бронзы на северо-западном Кавказе.

² А. М. Tallgren, *La Pontide préscythique*, ESA, II, 1926, стр. 162 (Херсонский музей); ESA, XI, 1937, стр. 117, рис. 7:5.

³ А. М. Tallgren, указ. соч., стр. 160; Каталог Екатеринославского музея, 1910, стр. 41.

⁴ А. М. Tallgren, указ. соч., стр. 168, рис. 98,9; ESA, IX, стр. 30, рис. 23а. Возможно, что с Кавказа происходит и топор, найденный в 1927 г. в кладе в Стубло на Волыни: ESA, IV, 1929, стр. 136, рис. 1

обычно изготовленные из змеевика. Представленные на Кавказе, в области Главного хребта, от Тамани до Терека большой серией экземпляров, позволяющей проследить несколько хронологических и локальных групп, эти секиры имеют много общего с малоазийскими, троянскими и бессарабскими (из Бородинского клада), но все же от них отличаются. Отдельные экземпляры таких секир известны на Дону (Новочеркасский музей из Цимлянской и Арчадинской станиц), а также на юге Украины (Херсонский музей и др.¹). К сожалению, эти каменные секиры до сих пор не подвергались специальному изучению, в особенности с точки зрения определения их материала; вполне вероятно, что по выполнению такой работы можно будет выделить в северо-причерноморском материале ряд групп как местного так и привозного происхождения. Во всяком случае, те немногие пока экземпляры, которые по внешнему виду бесспорно должны быть отнесены к кавказским производственным центрам, найдены в тех же районах Причерноморья, где обнаружены и кавказские медные изделия этого же времени.

Таким образом, в восточной части северного Причерноморья во II тысячелетии до х. э. улавливаются сношения только с ближайшими к ним областями Кавказа, тогда как сношения с более далеким юго-востоком совершенно не могут быть прослежены и, повидимому, являются прерванными. В отдельных случаях, как мы видим, северокавказские изделия проникают и дальше на запад, вплоть до района Одессы.

IV

Сношения северного Причерноморья с югом в начале I тысячелетия до х. э.

Сношения северного Причерноморья с югом достигают значительно большей интенсивности на следующем этапе исторического развития, в поздний период бронзового века, т. е. примерно с XI до VIII—VII вв. до х. э. Этот период для племен нашей области является завершающим среднюю ступень вар-

¹ Рисунок секиры Херсонского музея: ESA, VIII, 1933, стр. 76, рис. 79.

варства и переходным к высшей ступени. На правобережной Украине в этот период продолжают жить племена земледельцев и скотоводов, в то время как в областях к востоку от Днестра у пастушеских племен скотоводов, в результате развития патриархальной семейной собственности на скот и значительного роста стад, начинают создаваться предпосылки для перехода от оседлого к кочевому образу жизни. Эти племена в качестве пастбищ начинают использовать не только речные поймы, но и открытую степь. В то же время в области горного Кавказа происходит освоение высокогорных пастбищ, ведущее к переходу к полукочевому эйлажному хозяйству.

В этих условиях начинает возрастать подвижность населения, еще усиливаемая почти повсеместным в пределах рассматриваемой области освоением коня как средства передвижения (бронзовые удила на Северном Кавказе и на Украине впервые появляются в памятниках примерно VIII в. до х. э., в Закавказье еще несколько ранее). С другой стороны, значительное накопление подвижного богатства в виде скота, в условиях развивающейся частной семейной собственности, вызывает у соседних племен стремление к насильственному присвоению этих богатств. Все это вместе взятое приводит к усилению межплеменных сношений, как мирного, менового, так и военного характера.

Усиление этих межплеменных сношений отразилось, в частности, и на том археологическом материале, который дошел до нас от рассматриваемого времени. Как и для более раннего времени, это отражение легче всего прослеживается при изучении изделий из металла, удобных для перевозки, прочных и хорошо сохраняющихся в течение многих столетий и тысячелетий. Весьма значительное возрастание потребности в металле, в металлических орудиях и оружии является к тому же одной из наиболее характерных черт в истории материального производства конца периода бронзы. Относительно кратковременный по своей длительности поздний бронзовый век везде, и в том числе в северном Причерноморье, оставил нам в несколько раз больше изделий из металла, чем гораздо более длительные предшествующие периоды, начиная с первого появления метал-

ла, вместе взятые. В дальнейшем все более возрастающая потребность в металле для удовлетворения хозяйственных и военных надобностей разрешается переходом к изготовлению орудий труда и оружия из железа, распространенного в природе гораздо более широко, чем медные руды.

Что же мы можем сказать о сношениях причерноморских племен с югом? Начнем опять с запада.

Выше мы видели, что еще в начале II тысячелетия до х. э. в прибрежный район Одессщины проникают металлические изделия юго-западного, «эгейского» или малоазийского, происхождения. Это же явление прослеживается и позднее во II тысячелетии до х. э. (Побужье, нижнее Поднепровье).

Ко времени около 1000 г. до х. э. относится найденная в погребении около с. Лукьяновского близ Каховки бронзовая фибула древнего типа, балканского или эгейского происхождения. Эта единственная в своем роде на нашей территории находка особенно интересна тем, что она сопровождается бусами из стекловидной массы и янтаря.¹

Приблизительно на рубеже II и I тыс. до х. э. в этой же приморской области возникает и существует, повидимому, до VII в. местный очаг металлообработки, снабжающий бронзовыми изделиями обширную территорию днепровского правобережья, вплоть до Киевщины и Бессарабии, а также и часть левобережья. Для этого очага характерными являются различные бронзовые кельты, кинжалы, серпы, наконечники копий и ряд других орудий своеобразных типов, которые в литературе последних лет иногда относились к «фракокиммерийской» группе (Сулимирский).² Для изготовления этих орудий служили литейные формы из талькового сланца, также найденные в большом числе.

Вопрос о территориальном распространении находок этой

¹ Літопис Музею, в. 8, Херсон, 1927, стр. 9, рис. 6; A. M. Tallgren, ESA, VI, 1931, стр. 177, рис. 1.

² T. Sulimirski, Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen, Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXV, 1, 1933; разбираемая нами причерноморская группа составляет „восточную“ подгруппу Сулимирского.

группы требует еще специальной разработки на основе широкого привлечения материала, после чего можно будет более уверенно говорить об отдельных очагах местного производства металлических изделий на Украине, а также о происхождении использованного ими металла.¹ До выполнения такого исследования ряд существенных вопросов, относящихся к рассматриваемой группе бронзовых изделий, остается еще не вполне ясным; для наших целей достаточно будет установить следующее.

Наиболее густо находки этой группы распространены на самом побережье Черного моря, от Днестра до Днестра, а также по нижнему течению Днестра, по Бугу до района Первомайска и по Днепру до порогов. Вне этой территории встречаются только отдельные находки соответствующих предметов и только немногочисленные литейные формы для их изготовления, тогда как в южной, приморской, полосе мы сейчас знаем уже не менее 20 кладов бронзовых изделий и литейных форм, а иногда и слитков металла. В числе их имеются такие крупные клады, как клады Маяцкий² и Коблевский³ в Одесском музее, как новый клад из с. Волошкового в Киеве (1940). Особого внимания заслуживает большое количество кладов, а также отдельных находок литейных форм и бронзовых изделий, в районе устьев Днестра и Буга (ряд находок из Кардашкинки, Алешек и других мест).

Таким образом, совершенно несомненным является относительно широкое распространение местного производства бронзовых изделий в этом районе.

Встает вопрос о происхождении использованного металла, так как своих медных руд в рассматриваемом районе почти нет.

¹ Попытка такой постановки вопроса была дана мною в докладе на IV научной конференции института археологии АН УССР в Киеве в феврале 1941 г.: „Производство металлических изделий бронзового века в степях Восточной Европы в связи с вопросом о происхождении металла“.

² Находка в колхозе Червоный Маяк, с. Окна; частично она издана у: Sulimirski, указ. соч., табл. III, 10.

³ Tallgren, La Pontide préscythique, ESA, II, 1926, стр. 152 и рис. 82 (неоднократно издавался и ранее как Троицкий или Тилигульский клад).

Своеобразные типы изделий, резко отличающиеся от распространенных в Донецко-Донской области и на Кавказе, заставляют исключить в качестве возможного источника металла восточные районы. К сожалению, еще недостаточно ясно соотношение разбираемой группы с соседними западными группами, так как находки этого времени в Румынии и Болгарии пока изучены слабо. Несомненно, что наша группа достаточно резко отличается от изделий мощного семиградского очага производства бронзы, откуда на территорию Украины проникало довольно много изделий так называемых «венгерских» типов. Возможно ли связать нашу «фрако-киммерийскую» группу с месторождениями меди западной Молдавии или восточных Балкан — сказать пока трудно. Следовательно, мы можем только предположить, что металл доставлялся из месторождений меди в Криворожье и соседних районах, или же из меднорудных районов Румынии или Болгарии. Однако пока нельзя исключать в качестве возможного источника также и более удаленные области, как, например, западную Малую Азию. Во всяком случае, то обстоятельство, что в рассматриваемый период мы почти не видим в Причерноморье импортных бронзовых изделий «эгейских» типов, хорошо представленных в ряде находок более раннего времени, заставляет думать, что импорт готовых изделий был, может быть, постепенно замещен ввозом полуфабриката-металла в слитках — из того же источника. Путь этого ввоза в рассматриваемое время, очевидно, шел вдоль побережья — от Босфора (или от более северного пункта побережья, если медь доставлялась из Фракии), т. е. являлся тем же каботажным морским путем, который намечался и для более раннего времени. Как бы ни решился вопрос о происхождении меди, уже сейчас почти несомненно, что слово, впервые в крае использованное при изготовлении бронз «фрако-киммерийской» группы доставлялось этим путем.

В прибрежной полосе изготовлением бронзовых изделий занято было местное население. Сосредоточение металлообработки именно здесь обусловлено было встречей в этом районе привозного металла с наличием необходимых для его обработки угля и дров, доставлявшихся лесами, распространенными

в низовьях речных долин. С другой стороны, значение имела, очевидно, и большая выгода дальнейшего обмена готовыми изделиями, чем металлом в слитках. Особенно отчетливая концентрация находок в области Бугско-Днепровского лимана вызывалась, очевидно, как соединением здесь водных путей, связывающих этот район с обширной территорией в глубине страны, так и обилием здесь леса. Последнее обстоятельство отмечается еще много спустя Геродотом, указывающим как раз в районе левобережья нижнего Днепра местность Гилею, т. е. «Полесье». Еще много позже отражение этого же обстоятельства мы имеем в русском летописном названии Олешье, сохранившемся в современном Алешки.

Как и в более раннее время, мы в рассматриваемый период можем проследить проникновение в северное Причерноморье некоторых предметов также и с юго-востока, опять-таки, главным образом, в виде изделий из металла. При этом полностью отсутствуют собственно древневосточные по своему происхождению предметы, проникающие около рубежа II и I тысячелетий до х. э. только в Закавказье и на Кавказе в виде нескольких единичных экземпляров кинжалов, доходящие до Северной Осетии и до Южного Дагестана.¹

Дальше к северу импорт с юго-востока ограничен предметами кавказского происхождения, относящимися к двум группам кавказской культуры — прикубанской и кобанской.

Бронзовые, а часто и медные, изделия первой группы, произведившиеся в Прикубанье и на Черноморском побережье Кавказа вплоть до границ Абхазии, распространялись, повидимому, в основном в западном направлении в частности в Крыму, о чем свидетельствуют некоторые мелкие находки в каменных ящиках Крыма. К этой же группе следует отнести также и ряд находок на юге Украины. Из их числа назовем прежде всего замечательный клад из 7 бронзовых проушных топоров, 7 серпов и 23 кг слитков металла, найденный в 1925 году

¹ А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. 1935, стр. 162—163.

у Берислава на Днестре,¹ а также и находку 4 топоров в Кривом Роге.²

Путь распространения этих изделий, вероятно, шел через Таманский полуостров и Керченский пролив в степной Крым и далее на низовья Днестра. В пользу существования такого пути говорит как новая находка в 1940 г. клада бронзовых топоров у станицы Курчанской (Темрюкский музей), так и отмеченные выше, в связи с Аджияским кладом, намеки на существование такого пути еще в более раннее время.

К этой же прикубанской группе относятся и некоторые единичные находки на Дону, свидетельствующие об использовании и другого пути — сухопутного, ведущего с Кубани на север, на Дон.

В этом же северном направлении из области Центрального Кавказа распространялись также, хотя и в меньшем количестве, бронзовые предметы кобанских типов. Область производства этих изделий сейчас вырисовывается вполне отчетливо; она охватывает как оба склона Центрального Кавказа, так и всю Западную Грузию, включая Абхазию и восточную часть Понтийского побережья Турции. В пределах этой обширной территории различается несколько местных металлургических очагов, детальное рассмотрение которых не может входить в наши задачи.³ Вне этой территории мы можем сейчас проследить проникновение импортных бронз кобанской группы. В частности, на севере мы их знаем и южнее Дона, и на Дону (Сиротинская станица; клад, найденный в 1939 г. в Новочеркасске). Дальше на северо-запад можно указать на несколько единичных находок кобанских бронзовых топоров уже в лесо-

¹ Летопись Музею, в. 8. Херсон, 1927, стр. 9—10, рис. 8—10; A. M. Tallgren, *Studies on the Pontic Bronze Age*, ESA, XI, стр. 117, рис. 7,2.

² Е. Мельник, Каталог коллекции древностей А. Н. Польша в Екатеринославе, Киев, 1893, стр. 38. №№ 41—44; A. M. Tallgren, *La Pontide-préscythique*; ESA, II, стр. 162, рис. 98: 10.

³ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 116—139; более детальное рассмотрение этого вопроса было предложено мною в докладе „Древнее производство металла в Западной Закавказье“ (1940), оставшемся пока неизданным.

степной зоне, около Воронежа, близ Купянска, Краснограда, Лубен, и, повидимому, также и в районе Киева.

К сожалению, мне пока не удалось проверить сведения о находке двух или трех «кобанских» топоров в Крыму. Если бы эти сведения подтвердились, то мы имели бы дополнительные указания на связь, существовавшую, очевидно, вдоль черноморского побережья Кавказа между Западной Грузией и Крымом.

Наконец, необходимо указать на чрезвычайно интересную случайную находку двух бронзовых топоров кавказского происхождения вблизи Аккермана (Херсонский музей). Топоры эти относятся к так называемому второму кобанскому типу, отличающемуся полукруглым лезвием и клиновидной обушной частью. Тип этот встречается в Кобани и вообще в Центральном Кавказе, но родиной его является Западная Грузия и смежные районы Турции вдоль побережья Черного моря, т. е. древняя Колхида. Появление двух подобных топоров у Аккермана скорее всего следует объяснять заносом посредством морской каботажной торговли, причем скорее по восточному пути, проходившему по Кавказскому и Крымскому побережью. Однако пока нам для данного периода неизвестной остается культура южного побережья Черного моря, от Орду к западу, необходимо считаться также с возможностью использования и западного пути — из причерноморских районов Колхиды вдоль малоазийского и фракийского побережий. В этой связи следует упомянуть еще одну находку, очень важную, но, к сожалению, недостаточно документированную. Я имею в виду найденный будто бы в Керчи плоский топор из бронзы, снабженный двумя боковыми выступами и украшенный изображением быка и солнца.¹ По своей форме этот топор является, несомненно, малоазийским, а не колхидским. Целый ряд близких аналогий ему может быть указан только в Анатолии, начиная от Орду на черноморском побережье и до Богазкея и Кайсари в центральной части страны. Эта первая и единственная в своем роде находка говорила бы о том, что близко к ру-

¹ W. Greenwell, *On Some Rare Forms of Bronze Weapons and Implements*. *Archaeologia*, 58,1, 1904; Tallgren, указ. соч., стр. 179 и рис. 103:2. Воспроизведение повторено и в ряде других работ.

бежу II и I тысячелетий до х. э. впервые возникают сношения между районом позднейшего Боспорского царства и южным побережьем Черного моря. И в этом случае, очевидно, использовался путь вдоль кавказского побережья.

Наконец, в числе непроверенных сведений об отдельных археологических находках имеются указания на два случая обнаружения бронзовых мечей, совершенно не свойственных культуре разбираемого времени как в северном Причерноморье, так и в «кобанской» области Кавказа. Мечи эти найдены будто бы на р. Черной, близ Балаклавы¹ и в районе Днепропетровска.² Речь может идти, несомненно, только о привозных предметах; о происхождении первого из них за отсутствием необходимых данных сказать ничего нельзя; возможно было бы думать как об эгейской области, о центральной Анатолии, о южном Закавказье, так и о Семиградии и Венгрии. Второй меч несомненно западного происхождения.

Что касается проникновения в северное Причерноморье изделий южнокавказского происхождения, то все соответствующие находки относятся к самому концу рассматриваемого периода (к VII в.) и будут нами разобраны ниже.

Таким образом, мы можем констатировать, что в период, обнимающий примерно XI—VII вв. до х. э., племена северного Причерноморья поддерживают меновые и торговые связи со своими соседями как на юго-западе, так и на юго-востоке. Мы видим, что, помимо использования сухопутных путей, связывающих северное Причерноморье со всеми смежными областями, все большее значение приобретают черноморские каботажные пути, связывающие Босфор и Фракию с устьями Буга и Днепра, Колхиду, Кубань и Крым с тем же Бугско-Днепровским районом и даже с Днестром и, наконец, может быть, южное побережье Черного моря с Босфором Киммерийским.

¹ Личное сообщение Н. И. Репникова.

² J. Kostrzewski, *Prähistorische Zeitschrift*, 10, 1918, стр. 163. прим. 6 — меч гальштатского типа будто бы найден совместно со скифским бронзовым котлом и другими предметами в кургане. Находился в Варшаве, в собрании Хойновского. См. Swiatowit, XV, Warszawa, 1937, стр. 146. рис. 32.

Эти находки привозных предметов, пока еще немногочисленные, позволяют все же говорить о концентрации их в устьях больших рек и о продвижении их от морского побережья в глубь страны по этим рекам, вплоть до лесостепной зоны. Из всех районов скопления импортных предметов наиболее ярко выступает район Бугско-Днепровского лимана и прилегающие к нему местности от устья Днестра до Нижнего Днепра. В этом районе мы видели возникновение первых сношений с югом еще в самом начале II тысячелетия, здесь же в рассматриваемое нами время продолжают встречаться пути сношений как с юго-западом, так и с юго-востоком. Несомненно, что именно в этом районе, при общем для всего северного Причерноморья росте меновых и торговых связей, в начале I тысячелетия до х. э. формируется очаг наиболее интенсивных сношений с побережьями Черного моря от Малой Азии и Фракии до Крыма и Кавказа.

Гораздо меньшее значение, по всей видимости, имел район позднейшего Боспорского царства, где мы не видим признаков существования догреческого культурного центра. В частности, Таманский полуостров, в рассматриваемое время представлявший собой еще группу изолированных лиманами и протоками Кубани островов, пока дал лишь незначительный археологический материал II тысячелетия до х. э. и последующего предскифского периода, позволяющий характеризовать его как отсталый, сравнительно с Закубаньем, бедный район.

Таким образом, археологические факты приводят нас в отношении оценки относительного значения двух районов северного Причерноморья к выводам, прямо противоположным взглядам М. И. Ростовцева, видевшего в районе Боспора древний узел путей и культурный центр киммерийского государства, связанный торговлей с Закавказьем и гораздо более значительный, чем район Днепро-Бугского лимана.¹

¹ М. И. Ростовцев, Эллинизма и царство, 1918, стр. 83; Rostovtsev, South Russia etc., 1921, стр. 213; Rostovtzeff, Iranians and Greeks, 1922, стр. 13, 43, 63, 65. Той же точки зрения придерживается Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Вост. Европы, I, 1925, стр. 208.

События VII века в истории причерноморских племен

Процессы исторического развития населения северного Причерноморья, о которых мы говорили выше, в VII в. до х. э. приводят к резкому историческому перелому. Племена, находившиеся на средней ступени варварства, почти на всем пространстве степей, от Дуная и до Волги, от лесостепи Харьковщины и до Крыма и предгорий Кавказа, переходят на высшую ступень варварства. Складывается «скифская» стадия в истории местного населения. Почти в это же самое время тот же процесс перехода с различными локальными отклонениями совершается и в восточных степях от Заволжья до Алтая, Монголии и Ордоса, на юге до степей Средней Азии и Закавказья, на западе — вплоть до Венгрии. Местный для всей территории степей в целом, этот процесс приводит к значительному росту подвижности племен в связи с ростом стад, поисками пастбищ и широким использованием коня как средства передвижения. В результате возникают передвижения племен и резко усиливаются столкновения и войны между ними, имеющие целью борьбу за пастбища, захват стад и ограбление соседей. Борьба эта не ограничивается лишь внутренними столкновениями между степными племенами. На границах степей они сталкиваются с мирными и оседлыми племенами и нападают с целью грабежа также и на них. Все эти войны и грабежи, в свою очередь, усиливают и ускоряют процессы имущественной и социальной дифференциации, первоначально обусловленные внутренним развитием степных племен. В особенности следует отметить, что с развитием военных столкновений постоянным явлением становится обращение в рабство захваченных пленных, а использование рабского труда в свою очередь еще расширяет возможности накопления богатств, в том числе и стад, в руках племенной знати и племенных вождей. Все больше усиливаются имущественные различия между этой знатью и основной массой скотоводов-общинников. В VII в., таким образом формируется то скифское общество, блестящую характеристику

которого на несколько продвинувшемся этапе двумя веками позже дал в IV книге своих «Историй» Геродот.

Все, что мы знаем теперь об этом обществе, заставляет видеть в кочевниках и в оседлых или полуоседлых земледельцах и скотоводах наших степей, лесостепей и предгорий Кавказа, начиная с VII—VI вв. до х. э., типичных представителей высшей ступени варварства. Мы не имеем никаких данных, которые позволяли бы уже в это раннее время говорить о наличии здесь государства. Поэтому совершенно неправильно говорить о «великом скифском царстве», о «скифской государственности», а тем более о предшествующей ей «киммерийской державе», как это неоднократно делали многие авторы, а особенно упорно и настойчиво Ростовцев.¹ Ростовцев полагал, что именно образование прочного государства на северном побережье Черного моря позволило быстро развиваться греческим городам, которые были поставлены в зависимость от скифского государства. Это последнее вело с греками торговлю товарами, получаемыми от покоренных оседлых племен в виде дани.

Сейчас мы знаем, что ход исторического развития был иным и что греческие колонии возникли и развились много раньше, чем возникло государство у племен северного Причерноморья.

Для нас важно отметить, что переход степняков на более высокую ступень развития создает совершенно новые возможности и для дальнейшего роста и расширения торговли. Эти возможности в основном определяются двумя чертами нового хозяйственного уклада, формирующегося в степях.

Во-первых, все более обособляющаяся и усиливающаяся прослойка племенной знати систематически предъявляет спрос на предметы роскоши, как, например, художественные изделия, предметы из драгоценных металлов, парадное оружие, стремясь и чисто внешне в своем быту выделиться из среды рядовых

¹ Ср., например: М. И. Ростовцев, Эллинизма и иранство, 1918, стр. 35 сл.; его же, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 4 и 22; Rostovtsev, South Russia etc., 1921, стр. 211—213; Rostovtzeff, Iranians and Greeks etc., 1922 стр. 8—9, 12—13, 37—38, 41—44. Критику этих взглядов см: В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья, ИГАИМК, XII, вып. 1—8 (Готский сборник), 1932, стр. 48—49 и 65.

своих соплеменников. В предшествующее время подобный спрос находился в зачаточном состоянии.

Во-вторых, та же самая племенная знать с развитием новых отношений получает в лице военнопленных — рабов в свои руки товар, могущий служить эквивалентом при меновой безденежной торговле, наряду со скотом и продуктами животноводства. Нет сомнения, что в конкретных исторических условиях VII — VI вв. до х. э. скорее всего именно возможность приобрести рабов могла привлечь иноземных торговцев с юга в страны северного Причерноморья.¹ В предшествующее же время местные племена не могли систематически поставлять рабов, так как самый институт рабства, при ничтожном значении военных столкновений, не мог здесь еще получить сколько-нибудь заметного развития.

Только учитывая охарактеризованный переход степняков на высшую ступень варварства, мы поймем исторические события VII в., сыгравшие такую большую роль в жизни переднеазиатских стран, события, выразившиеся в киммерийском, а затем в скифском погроме, ярко и красочно описанных в клинописных источниках и в Библии.

Вспомним, что киммерийцы впервые упоминаются в ассирийских источниках еще во 2-й половине VIII в. под именем «гимирри» и локализуются к северу от Урарту, т. е. в Закавказье. Несколько позже они передвигаются на юг, нападают на подвластные Ассирии области, а затем ассирийцами, призывающими на помощь себе скифов («ашкузай»), оттеснивших киммерийцев на юг, вытесняются на запад, в Малую Азию. Здесь киммерийцы на довольно долгое время подчиняют себе Лидию, Синоп и некоторые другие районы, но терпят поражение в Киликии.

Скифы, в свою очередь, проникли в Переднюю Азию, по ассирийским источникам, с севера, из Закавказья, через владения Урарту. После вытеснения киммерийцев на запад, кон-

¹ В этой связи интересно вспомнить, что Дарий, по сообщению Ктесия (Перлика, 16; Латышев, Изв. I, стр. 354) посылал специальную морскую экспедицию каппадокийского сатрапа Ариарамна на 30 пятидесятивесельных судах в Скифию для захвата рабов.

ные орды скифов, отчасти, повидимому, в союзе с Ассирией, проникают далеко на юго-запад, до Палестины и границ Египта (около 625 г.).¹ Во время осады Ниневии мидийцами (612 г. до х. э.) они приходят в столкновение с последними и, повидимому, совершают набег на Мидию. В конце концов — в начале VI в. до х. э. — скифы в Передней Азии уничтожаются мидийцами и только название местности Сакамене в Каппадокии еще в течение долгих столетий напоминает об их пребывании здесь.

В дальнейшем инициатива в борьбе с кочевниками полностью переходит в руки консолидировавшегося в великом ахеменидском государстве древневосточного мира, о чем свидетельствуют последний поход Кира против массагетов в Средней Азии (529 г. до х. э.) и поход Дария I через Фракию в степи правобережной Украины против скифов (около 513 г. до х. э.)

Совершенно несомненно, что в походах киммерийцев и скифов в страны Древнего Востока, мы имеем перед собой одно из ярчайших проявлений завершившегося перехода степняков-скотоводов на высшую ступень варварства, связанного с переходом к кочевой системе хозяйства. Несомненно, что с этого момента в историческом развитии степных племен возникают и технические возможности и экономическая необходимость, в целях прокормления стад, значительных передвижений в относительно широких территориальных пределах. Ранее неизвестные, не вызывавшиеся тогда никакими социальными или экономическими причинами, эти передвижения сейчас приводят к борьбе за пастбища, к грабежу стад соседних племен, к развитию чисто военных захватнических походов и войн. Набеги киммерийцев и скифов на юг, в пределы развитых культурных стран Древнего Востока, несомненно, не были единствен-

¹ Находки „скифских“ наконечников стрел из бронзы во многих местностях Передней Азии являются археологическим подтверждением этих событий. См. Б. Б. Пиотровский, Скифы и Закавказье. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, III, 1940, стр. 76—79. Особенно яркую картину осады кочевниками — „скифами“ рисуют последние раскопки урартской крепости в Кармир-Блур около Еревана: Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 187—188.

ными такими походами. Подобные же походы безусловно имели место и в пределах самой степной полосы, где относительно спокойное развитие оседлых племен на два с лишним тысячелетия сменяется бурными событиями кочевнического периода. И эти, нам конкретно-исторически неизвестные, события в степях и переднеазиатские походы киммерийцев и скифов явились, таким образом, закономерным результатом местного исторического процесса в степях Восточной Европы и Азии. Походы на юг представляют собой только отдельные эпизоды этого процесса, отдельные волны происходивших в степях движений, наиболее далеко переклестнувшие через границы степной полосы, благодаря этому попавшие в поле зрения древневосточной исторической традиции и потому известные нам более или менее подробно.

Для нашей темы имеют значение не те или иные детали и отдельные события кочевнических погромов Передней Азии, а прежде всего самый факт этих движений, их военный характер и хронологические рамки.

Далее возникает вопрос о связи этих движений со странами северного Причерноморья. Несомненно, что в переднеазиатских походах принимали участие кочевники Закавказья, где «скифский» элемент, после лингвистических работ Н. Я. Марра, прослеживается все более широко. Не исключено также и предполагавшееся иногда участие в этих событиях кочевников Средней Азии, чему основание видели в указании Геродота (IV, 11) о движении скифов в Киммерийскую землю под давлением массагетов. Однако решающее значение в этом вопросе имеет для нас свидетельство Геродота о том, что киммерийцы из северного Причерноморья бежали в Азию вследствие нападения на них скифов и что сами скифы, вслед за киммерийцами, через Кавказ вторглись «в Мидийскую землю» (IV, 12). Наряду с этим Геродот передает и другое известие об уходе киммерийцев на запад, за реку Тирас (Днестр), т. е. во Фракию (IV, 11). Оба эти рассказа, передающие живую историческую традицию, державшуюся в середине V в. в туземной среде нижнего Приднепровья, заслуживают нашего доверия. Несмотря на множество связанных с ними неясных

вопросов, останавливаться на которых здесь не место, основные черты исторической обстановки этими рассказами переданы верно: население степей (и киммерийцы¹ и скифы) находится примерно на одном уровне развития; между племенами кочевников происходит постоянная борьба. Вторгнувшиеся с востока (другой вопрос — откуда и насколько издалека) в Приднепровье скифы вытесняют киммерийцев, уходящих частью во Фракию, частью же через Кавказ в Переднюю Азию, причем в последнем направлении вслед за ними движется часть скифов.

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что в VII в. какая-то часть племен северного Причерноморья, во всяком случае военные отряды из их состава, непосредственно столкнулась со странами Древнего Востока проникнув через Кавказ в Переднюю Азию.

Все сказанное приводит нас к заключению, что в VII в. сложились все условия для значительно более интенсивных межплеменных сношений, чем в более раннее время, причем, с одной стороны, внутреннее развитие местных племен северного Причерноморья создало предпосылки для постоянно действующей меновой торговли, а с другой стороны, то же самое развитие привело эти племена и к военным столкновениям с окружающим их миром.

VI

Сношения северного Причерноморья со странами юго-востока в VII — VI веках

Обратимся теперь к археологическому материалу и постараемся проследить по нему, как развились внешние связи и сношения племен северного Причерноморья в VII в. до х. э.

¹ Речь идет об исторически, на основании письменных источников, нам известных киммерийцах. Распространение этнонима их на всю стадию развития причерноморских племен на средней ступени варварства (киммерийская или киммерская стадия ряда авторов) мне представляется мало обоснованным, чем, однако, ни в какой мере не затрагивается внутреннее содержание этой стадии.

При этом мы так же, как и в отношении более ранних периодов, рассмотрим отдельно находки, свидетельствующие о связях с юго-востоком, с Кавказом и расположенными южнее его странами, и с юго-западом, откуда именно в VII в. впервые в рассматриваемую область проникают наиболее ранние греческие изделия.

Ограничивая свой обзор только достоверными находками, мы тем не менее сможем получить достаточно яркую картину. Эта картина становится особенно убедительной и интересной благодаря достигнутому в последнее время уточнению датировок как некоторых местных археологических комплексов, главным образом целого ряда скифских курганов, так и многих импортных предметов и групп предметов греческого происхождения. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим, что, например, по сравнению с датировками, дававшимися 30—20 лет тому назад и, в частности, приводимыми в трудах М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского, в общем произошла некоторая передвижка курганных комплексов и греческих импортных изделий в противоположных направлениях. Так, например, важнейшая группа находок из Келермесских курганов, относившаяся Ростовцевым скорее всего ко второй половине VI в.¹ сейчас после работ Шефольда,² Рабиновича³ и др., может быть датирована временем не позже второй четверти того же века, т. е. по крайней мере на 25 лет ранее. К более раннему времени сейчас можно относить и ряд других комплексов, датированных Ростовцевым слишком поздно; о некоторых подобных случаях придется упомянуть ниже.

Напротив, целый ряд предметов греческого происхождения, главным образом ионийских расписных ваз, ранее датированных VII в., сейчас, в результате более подробной разработки истории греческой архаической керамики, относятся к VI в.⁴

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 312; Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 1931, стр. 279.

² Schefold, Der skythische Tierstil in Südrussland, ESA, XII, 1939, стр. 9—13.

³ Незаглаженный доклад на юбилейной сессии Эрмитажа, июнь 1940 г.

⁴ См. ниже.

Значение этих изменений в датировках ряда памятников для нашей темы очень велико, так как благодаря им весь ход развития внешних связей Причерноморья становится более ясным. К этому вопросу нам еще придется вернуться.

Как мы сейчас видели, причерноморские кочевники пришли в непосредственное соприкосновение со странами Древнего Востока, с Урарту, Ассирией, Мидией и их соседями, во время бурных событий VII в. Естественно следует ожидать, что это соприкосновение не ограничилось одним участием киммерийских и скифских племен в погроме Передней Азии, а что оно отразилось и на родине этих кочевников, с которой хотя бы у части из них должна была сохраниться некоторая связь. Связь эта нами может быть установлена наиболее бесспорным образом, если удастся обнаружить импорт южных, переднеазиатских изделий в степи северного Причерноморья.

Мы показали выше, что в течение первых столетий последнего тысячелетия до х. э. в северное Причерноморье с юго-востока проникали предметы, изготовленные на Северном Кавказе и в Западной Грузии. Ни в одном случае мы не встретили предметов южно-закавказского или еще более южного происхождения и только в одном сомнительном случае мы имели предмет, происходящий из центральной Анатолии или с северного побережья Малой Азии (плоский топор из Керчи).

Совершенно иную картину мы видим в VII—VI вв. до х. э.

Теперь в причерноморские степи проникают изделия не только из южного Закавказья, но и из Урарту, из Ассирии и из других стран, не говоря уже о продолжающемся ввозе из области кобанской культуры и из Прикубанья.

Не будем подробно останавливаться на этом последнем очаге местного культурного развития, расположенном на границе степи и предгорий западного Кавказа. Этот очаг, игравший еще со II тысячелетия постепенно возрастающую роль в снабжении северных, причерноморских и приазовских степей металлом, становится с VII в. до х. э. одним из основных средоточий «скифской» культуры, причем для раннего периода VII—VI в. именно здесь мы видим наиболее пышный и богатый расцвет этой культуры. До сих пор остается совершенно нераз-

работанным вопрос о конкретных взаимоотношениях различных групп или областей скифской культуры между собой и прежде всего групп кубанской и днепровской. Впредь до детальной монографической разработки этой проблемы, я продолжаю считать, что «кубанская группа» скифской культуры сложилась и развилась на местной основе, что в инвентаре ее курганных погребений ведущими и основными являются прежде всего бронзовые изделия местного, а не «иранского», как полагал Ростовцев,¹ происхождения. Вместе с тем я склонен считать, что весьма значительная часть металлических изделий более северных групп скифской культуры происходит именно отсюда, из Прикубанья.² В некоторых случаях, в применении к некоторым типам наконечников, удила, псалий и т. п., об этом можно говорить уверенно, но в целом такое утверждение еще требует доказательства.

Как бы то ни было, несомненно одно — что в пределах степной полосы в VII—VI вв. продолжали развиваться межплеменные сношения и что в их ряду сношения Приднепровья с юго-восточной частью степей, прежде всего с Прикубаньем, унаследованные от прошлого, стояли на одном из первых мест.

Для нас сейчас большее значение имеют указания на сношения в полном смысле внешние, выводящие за пределы предкавказских степей, в горные страны Кавказа и еще далее. Показатели таких сношений нам уже известны сейчас в достаточном числе.

Прежде всего нужно сказать о предметах, попавших в Причерноморье из области центрального Кавказа и из Западной Грузии, где в VII—VI вв. до х. э. местная культура непосредственно примыкает в своем развитии к предшествующему «кубанскому» этапу. Отсюда, с южного склона Кавказа, из области лечхумских и рачинских месторождений меди, происходят

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 337; Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 1931, стр. 300.

² А. А. Иссен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, стр. 185—186 и 165. Ср: Ростовцев, указ. соч., стр. 335; Rostowzew, указ. соч., стр. 299.

те клепанные из бронзового листа ситулы и кружки, снабженные литыми бронзовыми ручками со звериными головками, которые считались ранее гальштатскими,¹ но сейчас бесспорно должны быть отнесены к западному Закавказью.²

Область основного распространения этих сосудов сейчас намечается вполне отчетливо. Это прежде всего Лечхум,³ затем на северном склоне Кавказа — Кобан, Верхняя Рутха,⁴ сел. Нижний Баксан в Баксанском ущелье⁵ и в районе Майкопа Келермесский курган № 1, исследованный Н. И. Веселовским в 1904 г.⁶ В то же время на юге, в пределах урартского государства, они встречены в Игдырском могильнике VIII—VII вв.,⁷ а на северо-западе они проникают вплоть до Киевщины, где мы знаем 2 экземпляра из Жаботина и с речки Серебрянки (особый вариант), опубликованные Макаренко и Магурой, а также 1 экземпляр из Таганчи (б. Киевский у.), изданный В. Зоммерфельд.

Наряду с этими ситулами, проникающими в степи, очевидно, по проторенному уже в предшествующее время пути, мы впервые встречаем импорт из области южно-закавказского очага позднебронзовой культуры, занимающего северную часть Армении, юго-восточную Грузию и западный Азербайджан.

К предметам такого происхождения относятся известный

¹ М, Макаренко, La civilisation des Scythes et Hallstatt, ESA, V, 1930, стр. 24—39, рис. 1—2 и 13—17; С. Магура. Дві мідяні посудини з Черкащини, Хроніка Археології та Мистецтва, I, Київ, 1930, стр. 53—55 и табл. IV; W. Sommerfeld, Nacznynie miedziane halsztackie z Ukrainy, Swiatowit, XVII, 1938, стр. 308, рис. 1.

² Б. Б. Пиотровский, Урарту, Л., 1939, стр. 55, рис. 38.

³ Ряд сосудов в музее Грузии и в Кутаисском музее. См. прим. 7.

⁴ МАК VIII, стр. 241, рис. 196.

⁵ Мои сборы в 1933 г (собрание Нальчикского музея); см. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 225, рис. 129, 14 (неясное воспроизведение).

⁶ Собрание Гос. Эрмитажа.

⁷ Музей Грузии См: Б. Б. Пиотровский, указ. соч., стр. 55; Б. А. Куфтин, Урартский „колумбарий“ у подношвы Арарата.... Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIII-V. 1943, стр. 26—27, а также стр. 33—35, табл. III, 6 и XII; Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 320—323.

гравированный бронзовый пояс из Подгорцев под Киевом¹ и клад из 42 бронзовых фаларов или умвонов от щитов, найденный также на Киевщине в Черняхове.² Обе эти находки с достаточной степенью точности можно относить к VII в. до х. э. (или к концу VIII в.). С еще более далекого юга, из пределов Урартского государства, происходит ряд находок, которые следует датировать уже началом VI в. до х. э. Сюда, несомненно, следует отнести четыре серебряные ножки от какого-то неизвестного предмета, найденные в так называемом Мельгуновском кургане на Херсонщине.³ Возможно, что из пределов Урарту происходят и две золотые инкрустированные ручки кресла или трона, украшенные головками львов и баранов,⁴ найденные в Келермесских курганах Д. Г. Шульцем зимой 1903/04 г.

К сожалению, мы до сих пор не умеем еще различать произведения торевтики и ювелирного дела рассматриваемого времени ни в смысле точной их хронологии, ни тем более по принадлежности к определенным производственным центрам. Нужно сказать, что разграничения между изделиями ионийскими, урартскими, ассирийскими, вавилонскими, финикийскими, ахеменидскими в большинстве случаев далеко недостаточно разработаны и выяснены. А если учесть, что несомненно существовавшее развитое ювелирное производство Лидии и ряда других областей Малой Азии, поздне-хеттской северной Сирии, Кипра а с другой стороны — Мидии и прилегающих стран, нам неизвестно совершенно, то станет ясным, в какой степени мы еще вынуждены ограничиваться поверхностными сопоставлениями и интуитивными определениями.

¹ МАК, VIII, табл. 13-bis; ESA, II, стр. 159, рис. 93; I; А. А. Иессен указ. соч., стр. 165, прим. 6.

² К. Мельник, Каталог коллекции древностей А. Н. Поль, вып. 1, Киев, 1893, стр. 42, табл. VI. № 74; Иессен, указ. соч., стр. 166, рис. 28. 1 (в подписи ошибочно: 28. 2.).

³ Е. М. Придик, Мельгуновский клад, МАР, вып. 31, 1911, табл. I, внизу; Minns, указ. соч., стр. 172, рис. 69; Б. Б. Пиотровский, Урарту, Л., 1939, рис. 37.

⁴ Сборник „25 Jahre Römisch-germanische Kommission“, Berlin; 1930, табл. VII.

В то же время значительная часть находок, относящихся к нашей теме и обнаруженных в пределах северного Причерноморья и в Предкавказье, до сих пор остается неизданной и неизученной. Прежде всего это последнее замечание относится к важнейшему комплексу, имеющему огромное опорное значение для всего изучения ранних этапов скифской культуры — предметам из Келермесских курганов, не получивших с 1903—1904 гг. сколько-нибудь полного освещения в печати.

Поэтому сейчас можно только очень условно и предположительно говорить о происхождении целого ряда изделий, несомненно проникших в степи с юга, из Передней Азии.

На первом месте здесь следует назвать группу предметов, сочетающих декоративные элементы переднеазиатские, в частности скорее всего ассирийские и урартские, с элементами «скифского» художественного стиля или со «скифскими» формами самих предметов. Наиболее яркими представителями этой группы являются золотые обивки ножен мечей из Келермеса¹ и из Мельгуновского кургана² и обивка рукояти боевой секиры из Келермеса.³ Предметы эти, найденные в погребениях 2-й четверти VI в., несомненно изготовлены не в Причерноморье, а где-то на юге, скорее всего где-нибудь в пределах Урарту или недалеко от его границ, в мастерской, сложившейся на основе старой древневосточной традиции, но воспринявшей и новые потребности и вкусы кочевников-степняков. Такое происхождение этих вещей в свое время предполагал еще Б. А. Тураев;⁴ оно подтверждается при сопоставлении их с бронзовыми

¹ Rostovtzeff, *Iranians and Greeks*, 1922, табл. VIII, 2; *Reallexikon der Vorgeschichte*, VI, табл. 82-B (Ebert).

² Е. М. П р и д и к, указ. соч., табл. I, III, IV, стр. 4—5, рис. 1—4; M i n n s указ. соч., стр. 171—172, рис. 65—68.

³ Rostovtzeff, указ. соч., табл. VIII, 1; E b e r t, указ. соч., табл. 82-A.

⁴ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, ч. II, СПб., 1914, стр. 52; то же, Л., 1935, стр. 37; ср.: М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, Л., 1925, стр. 340—341; R o s t o w z e w, *Skythien und der Bosphorus* 1931, стр. 303—304. Неприемлема точка зрения Н. S c h m i d t, *Prähistorische Zeitschrift*, 18, 1927, стр. 88—89.

поясами из с. Заким б. Карсской области (ныне в Турции),¹ и из ряда новых находок в Армении² и в Иране.³ Близка к обивкам мечей и большая золотая чаша из Келермеса,⁴ украшенная рядом бегущих дроф и двумя рядами зверей, стилистически отчасти близких со «скифскими» звериными сюжетами на обивках, но несколько менее условных, отчасти же напоминающих более всего некоторые ассирийские рельефы VII в., например из Куюнджика. С другой стороны, полное тождество золота этой чаши с металлом всех упомянутых выше золотых предметов из Келермеса заставляет считать, что и эта чаша изготовлена там же, где и остальной золотой инвентарь этой группы курганов; это вновь приводит нас к территории Урарту.

Возможно, что к Урарту, и уж во всяком случае к какому-то из южных переднеазиатских центров производства, следует отнести серебряный сосудик из Майкопского отдела, найденный в 1907 г., украшенный рядом изображений сфинксов и пальметочным фризом и снабженный подставкой (или крышкой?) с рядом птиц.⁵ Найденные вместе с ним мелкие украшения (Вост. серебро, табл. СХІХ, рис. 42—46), которые Ростовцев склонен был считать привозными из Ирана,⁶ отчасти напоминают келермесские находки (рис. 42), отчасти же более поздние ахеменидские вещи (рис. 46).

¹ ОАК, 1904, стр. 131, рис. 239; Б. Б. Пиотровский, указ. соч., рис. 58.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 315—318.

³ Б. А. Куфтин, указ. соч., табл. XI (сел. Гушчи на оз. Урмия).

⁴ Восточное серебро, СПб., 1909, табл. СХІ; ср.: Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 341; Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, стр. 304; Ebert, указ. соч., табл. 81, в.

⁵ Восточное серебро, табл. СХІХ, № 303; Pharmakowski, Arch. Anz., XXIV, 1909, стр. 151; E. Herzfeld, Khattische und Chaldische Bronzen. Janus, I, Wien, 1921, стр. 153 и 155; Ростовцев, указ. соч., стр. 319 (ср. Skythien u. d. Bosphorus, стр. 285), относит эту находку к Финикии или Кипру, или к одному из других центров синкретического восточного прикладного искусства, датируя ее не позже V в., но возможно и значительно раньше.

⁶ Там же.

К числу находок ассирийского происхождения, проникших на далекий север в степи Причерноморья, нужно прежде всего отнести найденную в кургане близ Смелы ассирийскую печать-цилиндр из халцедона с изображением коня и солнца в образе парящей птицы.¹ Курган, в котором она была найдена (№ XIX), содержал разграбленное погребение; инвентарь его — железные ножи (один в костяной ручке), железные наконечники копий, медные наконечники стрел и несколько других мелких предметов — не противоречит отнесению погребения к VI в.

Не исключено, что к предметам ассирийского происхождения можно будет отнести и некоторые другие находки на нашем юге; так, например, резная из кости головка льва из кургана в районе Шполы, изданная А. А. Бобринским,² которую Миннэ считал ионийской,³ имеет наиболее близкие параллели именно в ассирийском искусстве.⁴

К предметам месопотамского происхождения следует отнести также и серебряную головку быка, найденную в курганном погребении в слободе Криворожье на р. Калитва в 1869 г.⁵

Криворожская находка, заключающая еще большой золотой «обруч» с двумя знаками на внутренней стороне⁶ и горло ионийского сосуда в виде головы барана, недавно рассмотрена была Т. Н. Книпович.⁷ Ею приводится мнение Н. Д. Флиттнер о вавилонском происхождении человека быка, причём аналогии к ней относятся к VII и к началу VI вв. до х. э., но не

¹ А. Б о б р и н с к и й, Курганы и случайные находки близ Смелы, I, 1887, стр. 77; Minns, указ. соч., 1913, стр. 193, рис. 85; S. P r z e w o r s k i n Znaleziisko Kruchowickie, Swiatowit, XIII, 1929, стр. 54, рис. 16.

² А. Б о б р и н с к о й, указ. соч., т. II, СПб., 1894, титульный лист и стр. 181; находилась в собрании А. А. Абазы.

³ Minns, указ. соч., стр. 177, 193 (рис. 85), 263, 266; Ср. сборник „25 Jahre göm. — germ. Kommission“, Berlin, 1930, стр. 53, 54, табл. VII, 2—3.

⁴ Ср. напр. British Museum, A Guide to the Babylonian and Assyria Antiquities, L., 1923, стр. 188.

⁵ Я. И. С м и р н о в, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. V, 16.

⁶ Там же, табл. VI, рис. 1.

⁷ Т. Н. К н и п о в и ч, К вопросу о торгово-экономических сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э., сборник „Из истории Боспора“ ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 97—102.

позже приблизительно 570 г.¹ Происхождение золотого «обруча» пока остается невыясненным, так как аналогичных предметов мы до сих пор не знаем. Тем не менее можно не сомневаться в том, что он также является вещью привозной, притом скорее всего тоже с юго-востока, из Передней Азии. Вопросы о происхождении ионийского глиняного сосуда мы коснемся еще ниже.

Наконец, можно еще указать на крайне интересную находку, сделанную Нестеровым в 1895 г. в станице Крымской во время раскопок кургана. Здесь были найдены золотые украшения — в том числе пара ушных подвесок с инкрустацией бирюзой и сердоликом, четыре золотых розетки с привесками из бирюзовых и сердоликовых бус и золотой штампованный венчик. Вещи эти, несомненно, относятся к переднеазиатским производственным центрам, скорее всего сирийско-финикийским, уже VI в. до х. э.² или к переднеазиатской *chouï*, так же ахеменидского времени.

Таким образом, подытоживая все сказанное, мы можем констатировать, что в VII и в начале VI вв. связи с юго-востоком, с переднеазиатским миром, начиная с Закавказья и Урарту и вплоть до более далеких южных стран, таких, как Вавилония и Финикия, в археологическом материале степей прослеживаются очень отчетливо.

Характерными особенностями этих сношений и связей, насколько мы их можем сейчас обозреть, являются следующие.

1) Ввоз изделий юго-восточного происхождения в степях представлен исключительно предметами роскоши — художественными изделиями и частями парадного вооружения (например фалары черняховского клада).

¹ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII — V вв. до н. э., стр. 101; Я. И. Смирновым голозка в 1909 г. была издана как ахеменидская, что не вяжется с установленной теперь датой всего погребения — не позже начала VI в.

² ОАК, 1895, стр. 65, рис. 160—162; находки эти Ростовцевым, на основании якобы позднего характера двух бляшек, рис. 162, отнесены к Сарматскому периоду: Скифия и Боспор. 1925, стр. 58^с; Skythien und der Bosphorus, 1931, стр. 583.

2) Предметы переднеазиатского происхождения, ранее достигавшие только горных областей Кавказа, в VII—VI вв. до х. э. в степях концентрируются прежде всего в Прикубанье и оттуда уже проникают дальше на север и северо-запад вплоть до правобережья Днепра, вместе с продолжающимся и в это время потоком местных прикубанских изделий, текущим в северные степные районы.

3) Пути, по которым переднеазиатские изделия попадали в Прикубанье, а также из Прикубанья дальше на север, в основном, повидимому, были сухопутными. Нет сомнения, что в дальнейшем, по мере роста археологических исследований в Закавказье, мы сможем более отчетливо разобраться в этом вопросе. Вероятно, эти пути в значительной мере совпадали с путями передвижения военных отрядов кочевников, совершавших походы в Переднюю Азию, а также и внутри степных областей.

4) Использовались ли в VII и в начале VI века морские пути по восточному берегу Черного моря, мы пока не знаем. В пользу возможности их использования можно было бы привести только последнюю из упоминавшихся находок — у станицы Крымской, расположенной недалеко от удобной Новороссийской бухты и от Анапы, где несколько позже возникли греческие поселения. В нашем распоряжении нет также данных, которые подтвердили бы использование в VII веке смешанного сухопутно-морского пути через Тамань и Крым в низовья Днепра, который мы предположили для более раннего времени.

Таково фактическое состояние юго-восточных связей и сношений населения степей в VII и в начале VI вв. до х. э. По сравнению с предшествующим периодом мы видим резкое усиление этих сношений и, в то же время, качественное изменение в их характере. Объяснение этим явлениям может быть найдено только в охарактеризованных выше переменах в жизни и хозяйстве самих степных племен, а именно, во-первых, в образовании нового социального слоя племенной знати, предъявляющей постоянный спрос на предметы роскоши, и, во-вторых, в непосредственном соприкосновении северных кочевников-степняков со странами Передней Азии во время походов VII в. Пока трудно сказать, в какой мере перечисленные выше на-

ходки восточных изделий проникли в степи в качестве прямой военной добычи; однако наличие сношений с Кавказом в более раннее время и смешанный стиль целого ряда из числа приведенных памятников, явно изготовленных специально для удовлетворения спроса кочевнической знати (находки из Келермеских и Мельгуновского курганов), заставляют основную роль в рассматриваемых сношениях приписывать торговле мирного порядка. Через чьи руки эти южные изделия проходили по пути на север, нам пока остается неясным. Скорее всего они распространялись отчасти, как и раньше, путями соседского межплеменного обмена, отчасти же доставлялись на север представителями скифской знати, побывавшими в южных странах. Во всяком случае у нас пока нет никаких данных, которые позволили бы считать, что в северные степи проникали торговцы непосредственно с Древнего Востока, в частности из Вавилона, как это склонна была допустить Т. Н. Книпович.¹

VII

Сношения северного Причерноморья с греками в VII веке

Обратимся теперь к юго-западным внешним связям северного Причерноморья в VII и в VI вв. до х. э. Те же самые условия внутреннего развития населения степей, о которых мы говорили выше, и здесь привели к новым формам и к новому содержанию этих связей, но процесс роста этих взаимоотношений здесь протекал по иному руслу.

Мы уже видели, что с начала I тысячелетия до х. э. в районе Бугско-Днепровского лимана и в прилегающих местностях сложился особый культурный очаг, характеризующийся прежде всего местной обработкой металла, доставляемого извне. Наиболее поздние из относящихся к этой группе находок мы сейчас можем датировать временем вплоть до VII в. включительно.

Исторические события VII в., несомненно, коснулись и этих областей. Здесь, по рассказам, переданным у Геродота, протекала борьба скифов с киммерийцами, отсюда часть киммерий-

¹ Книпович, указ соч., стр. 102, прим. 2.

ских племен, повидимому, ушла на юго-запад, за Днестр (Тирас), в Молдавию, Валахию, Болгарию. В археологическом материале последующих столетий мы можем проследить распространение культуры «скифского» типа в этих странах — в Семиградии с самого раннего времени, с VII—VI вв., в Болгарии с V в.¹ Однако не взаимоотношения «скифов» Приднепровья с этими странами, несомненно существовавшие, хотя пока совершенно еще не изученные, сыграли определяющую роль во всем дальнейшем развитии северного Причерноморья.

Эта роль выпала на долю греков, которые еще в VIII и в начале VII вв. основывают ряд колоний на Пропонтиде и в районе Фракийского Боспора, а затем в первой половине VII в. распространяются дальше по южному и западному побережьям Понта.

Самый процесс колонизации для нас во многом еще остается неясным. В греческой традиции позднейшего времени сохранились упоминания о доионийской «карийской» колонизации на Черном море. Однако, как и во всей проблеме карийской талассократии, и в этом вопросе трудно уловить границу между исторической действительностью и баснословным преданием. Важно установить только одно, что предание о карийцах на Черном море связывает их с западным (фракийским) и с южным (анатолийским) побережьем, но не с побережьями северными.² Исключение составляет только весьма маловероятное известие о былом господстве карийцев, а затем клазоменцев в области устьев Танаиса (Дона).³ Сохраненное только у позднего писателя — Плиния старшего — это известие вряд ли имеет под собою реальную почву, если под «карийцами» мы будем подразумевать мореплавателей из Эгейского моря, проникавших на север ранее VII в. до х. э. Мы видели выше, что в бассейне Дона раньше VII в. никаких признаков импорта из района

¹ Rostowzew, *Skythien und der Bosphorus*, 1931, стр. 535—536.

² Minns, *Scythians and Greeks*, 1913, стр. 437 (Киос. Кария и Карийский порт, Каалатиды, Амастрида); ср. Bilabel, *Die ionische Kolonisation*, 1920, стр. 61—64; Rostowzew, *Skythien und der Bosphorus*, 1931, стр. 18 прим. 1.

³ Plinius, *Nat. hist.*, VI, 20 (Латышев, Изз. II, стр. 180).

Эгейского моря не улавливается. Здесь положение изменяется лишь в конце VII в., о чем будет сказано ниже.

Наиболее древняя греческая традиция о плаваниях и разбойничьих набегах греческих дружин на побережья Черного моря, сохраненная нам в предании об аргонавтах, связана с юго-восточным углом Черного моря, с древней Колхидой, и не касается северного Причерноморья. Вопрос об отражении знакомства с Черным морем и, в частности, с Балаклавской бухтой, в Одиссее, возникший еще очень давно на основании работы акад. Бэра, до сих пор не вышел из состояния чисто гипотетических построений.

Дошедшее до нас в позднейшей греческой литературе (Страбон, VII, 3, 6) предание, что Черное море греками первоначально именовалось «негостеприимным» (Πόντος ἄξευτος), а затем после основания колоний ионийцами стало называться «гостеприимным» (Πόντος ἑξέυτος), свидетельствует во всяком случае о том, что греки в Черное море проникли еще до основания своих постоянных на нем поселений. Однако время этих первых посещений северного моря не поддается более точному определению. В данной связи нет также возможности касаться и иных легендарных сведений о северном Причерноморье, о киммерийцах и скифах, нашедших свое отражение в позднейшей литературе, поскольку мы не имеем данных, позволяющих относить источники этих сообщений ко времени более раннему, чем VII—VI вв. до х. э.

Археологический материал во всяком случае не дает нам пока никаких указаний на появление здесь греков раньше VII в. Однако и в VII в. первое проникновение греков в область северных берегов Черного моря отнюдь не должно представляться как внезапное появление чужеземцев, мореходов и торговцев, сразу же основывающих постоянные колонии городского типа.

Характер первых ионийских плаваний на основании общеисторических соображений хорошо обрисован в книге Миннса. Он пишет: «С милетскими мореплавателями дело обстояло иначе. Плавание по Эвксинскому Понту оставалось опасным, но

¹ Minns, указ соч., стр. 438.

опасности были известны и риск осознан; внезапные бурн, скалистые берега, враждебные племена и пираты должны были быть противопоставлены возможности захватить ценных рабов или самим приобрести пиратский приз. Со временем предприятия становились более регулярными, вместо захвата рабов — их стали покупать у тех, кто взял их в плен во время войны, и мирные барыши стали выгодными — золото Фазиса, рыба больших северных рек, со временем шкуры из степей, зерно низменностей при устьях рек, золото далеких внутренних областей, Трансильвании или, может быть, Алтая. Однако эта торговля зависела от установления регулярных сношений, которые могли быть обеспечены только путем основания факторий. Таковые постепенно возникали кругом по всему побережью, где только милетским кораблям было удобно пристать на ночь, где только пригодная для обороны скала или остров командовали над спокойной бухтой или пляжем, на который корабли легко могли быть вытянуты. Между этими поселениями неизбежной должна была быть борьба за существование; где подходящие топографические условия встречались с выгодным географическим положением, с местом, где сходились сухопутные и морские пути, там фактория должна была привлекать продукцию обширной территории и процветать; если сообщения с глубинными районами были затруднительны, место это оставалось только лишь убежищем на ночь, и по мере развития искусства мореплавания оно возможно отпадало. Путем такого процесса «естественного отбора» знаменитые греческие колонии выросли в нужных местах и, в большей своей части, сохранились до нынешних дней.

Поэтому мы не должны приписывать милетцам глубокого знакомства с „хинтерландом” Черного моря на основании лишь того, что выбранные ими пункты остались коммерческими центрами побережья. Постоянные поселения были определены относительным успехом факторий. . .»

Эта картина, нарисованная вдумчивым исследователем, в основных чертах остается верной и в наших глазах. От первых случайных, полупиратских плаваний, каковым было плавание корабля Арго, к более или менее регулярным торговым сноше-

ниями, сопровождаемым основанием факторий, безразлично, независимых ли от уже существующих поселений местных племен, или связанных с ними, и далее к созданию постоянных греческих поселений — колоний, таков, несомненно, был ход исторического развития. Нужно только в аргументацию Миннза внести одно существенное добавление: не только географическое положение и скрещение путей обусловило превращение той или иной фактории в постоянное поселение, но и группировка местных племен, их культурное и политическое состояние, а также и экономическая мощь племенной знати, чем в значительной мере обуславливались и возможности торговли и весь характер сношений греков с местным населением.

К сожалению, необходимо признать, что археологический материал для подтверждения указанных трех этапов в развитии сношений греков с северным Причерноморьем все еще крайне недостаточен. Все же за последнее время вопрос о так называемом доколониальном периоде торговли греков с местным населением получил признание. Из работ последних лет в особенности выделяется прекрасная статья Т. Н. Книпович, в которой вопрос этот освещен с убедительной ясностью.¹

В этой статье устанавливается, что из всех греческих поселений нашего юга только в одном, а именно в поселении на острове Березани, раскопками обнаружен самый ранний культурный слой, относящийся к концу VII в.² В противоположность этому, в Ольвии, за все годы ее изучения, обнаружен лишь один обломок расписного сосуда этого же времени, тогда как далее следуют находки только 2-й четверти VI в.³ Во всех других поселениях, в том числе во всех греческих городах на Боспоре Киммерийском, нет ни одной находки VII — начала VI вв.

Между тем вне колоний, отчасти далеко от моря, вблизи

¹ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 104 (сборник „Из истории Боспора“). М.—Л., 1934, стр. 90—110.

² Книпович, указ. соч., стр. 103.

³ Б. В. Фармаковский, Архаический период в России, МАР вып. 34, табл. I, 1; Книпович, указ. соч., стр. 103.

северной окраины степей, такие находки имеются. Всего Т. Н. Книпович приводит 5 подобных находок. Из них две обнаружены западнее Днепра, а три — восточнее. Эти находки следующие:

1) На Немировском городище, в Винницкой области, раскопками А. А. Спицына обнаружена целая серия обломков расписных родосско-милетских ваз и родосских киликов.¹ Городище дало обильный материал ранне-скифского периода (наряду с более древним и позднейшим, средневековым).

2) Болтышка, б. Чигиринского уезда Киевской губернии. Здесь найдено горло большого «родосско-милетского» сосуда с росписью;² вероятнее всего, что оно обнаружено в погребении.

Далее к востоку найдены:

3) Темир — гора близ Керчи. В местном погребении, вместе с резными из кости пронизьями от конского убора, украшенными во вкусе самого раннего скифского «звериного стиля», найдена прекрасная расписная родосско-милетская ваза.³

4) На Дону, в пределах бывшего Хоперского округа, найдена горловина ионийской вазы той же родосско-милетской группы в виде головы быка; скорее всего она также происходит из погребения.⁴

5) Наконец, также на Дону, точнее на р. Калитве, ниже слободы Криворожье, в 1869 г. в небольшом курганчике, вместе с упоминавшимися выше восточными вещами (см. стр. 48), был найден большой сосуд с горловиной в виде головы барана, принадлежащий к группе Фикеллура, вероятно Самэсского происхождения.⁵

¹ ОАК 1909—1910, стр. 179—183; Фармаковский, указ. соч., табл. II; Книпович, указ. соч., стр. 105.

² Б. В. Фармаковский, Милетские вазы из России, Древности, т. 25, М., 1916, табл. VI—VII; Книпович, указ. соч., стр. 105.

³ Фармаковский, указ. соч., табл. VIII; Книпович, указ. соч., стр. 104 и 106. Последняя датировка погребения, данная у Schefold, указ. соч., стр. 6—7, около середины VII в., видимо слишком далеко отрывает его от Келермесских курганов — на 75 лет.

⁴ (Х. И. Попов), Незаданный каталог Донского музея, табл. без №; Книпович, указ. соч., стр. 94—97, рис. 25.

⁵ Книпович, указ. соч., стр. 100, рис. 26.

Все остальные находки, которые ранее приписывались VII веку, теперь, на основании последних исследований греческой художественной керамики, приходится относить к VI в. ¹

В итоге Т. Н. Книпович приходит к следующему заключению: «Итак, мы видим, что в то время, когда из колоний северного Причерноморья существовало одно только поселение на острове Березани, в область северного Причерноморья, при этом в различные районы его, уже проникают привозные греческие вещи. Весь этот греческий импорт, во всяком случае весь, нам известный, совершенно однороден: это дорогие художественные изделия, представляющие в полном смысле слова предметы роскоши, а не предметы повседневного обихода». ²

По вопросу о способах проникновения этих предметов в среду туземного населения северного Причерноморья, автор констатирует, что предметы, найденные в Немирове и в Болтышке, могли быть доставлены при посредстве поселения на Березани, тогда как на востоке не было еще ни одного греческого поселения. «Естественнее предположить другое, а именно, что такие изделия завозились в Причерноморье греками еще до того, как покрылась сетью колоний приморская полоса этой области. Это, конечно, еще не была регулярная, организованная торговля, а лишь отдельные наезды, может быть, наезды рекогносцировочного характера. . .» «Такая торговля, при которой находили сбыт греческие художественные изделия и вместе с тем выяснялась, очевидно, и возможность получать необходимые Греции товары северного Причерноморья, как раз и могла подготовить почву для основания новых колоний». ³

Как видим, археологический материал сейчас уже подтверждает гипотетическое построение Миннза, значительно отличающееся от взглядов, например, Б. В. Фармаковского или Э. Р. Штерна, видевших в ранних греческих предметах, найден-

¹ Schefold, указ. соч., стр. 7—8, продолжает относить к концу VII в. также и родосскую энохю из Цукурского погребения на Таманском полуострове (ИАК, 63, 1917, табл. III).

² Книпович, указ. соч., стр. 105.

³ Там же, стр. 107.

ных в пределах древней Скифии, показатели уже установившихся сношений с постоянными греческими колониями.¹

Мы, таким образом, видим, что в VII в. впервые завязываются сношения между находящимися уже на высшей ступени варварства местным населением северо-черноморских степей и греческими мореплавателями и торговцами, проникающими до устьев больших рек северо-западной части моря, до района Керчи, а возможно, и до Донской дельты.

Торговля эта носит доколониальный характер, не сопровождаясь созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани, возникающего еще в VII в.

Импортируемые греками предметы роскоши полностью поступали в распоряжение местной племенной знати, которая в обмен на них отдавала накопленные ею богатства. Мы не имеем для этого раннего времени документальных данных, характеризующих получаемые греческими торговцами эквиваленты, но можно полагать, что первое место среди них занимали рабы.

Вполне возможно, хотя это также не подтверждено какими-либо документальными данными, и предположение Ростовцева, что в первоначальных поездках греческих мореплавателей в район северного побережья Черного моря, в устья наших больших рек и в Керченский пролив, значительную роль играли и рыбные богатства этих мест.² Однако, по моему мнению, нет оснований, вместе с Ростовцевым, считать, что первые постоянные поселения греков, колонии в собственном смысле слова, являлись в основном «рыболовными станциями». В VII—VI вв. ни Иония, ни собственно Греция не нуждались еще в регулярном значительном импорте рыбы. Предпосылкой для возникновения колоний являлось установление торговых сношений

¹ Б. В. Фармаковский, Архаический период в России, МАР, 34, 1914, стр. 29—30; его же, Милетские вазы из России, стр. 61; E. Stern, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres, Klio, IX, 1909, стр. 141 сл.

² М. И. Ростовцев, Эллинизмо и иранство, 1918, стр. 36, 77—78; Rostovtzeff, Iranians and Greeks, 1922, стр. 43, 61 и 63.

с местным населением, а рыбные богатства побережья скорее всего могли только способствовать установлению таких сношений между проникавшими на отдаленный север первыми греческими мореплавателями, являвшимися пиратами, торговцами и рыбаками одновременно, и населением тех мест, где они временно останавливались.

VIII

Возникновение постоянных греческих поселений в северном Причерноморье в VI веке

Следующий этап в развитии сношений скифских племен с греками характеризуется появлением постоянных греческих поселений в северном Причерноморье. Первое из них, возникшее на Березани еще в VII в., по самому характеру своему, вследствие расположения на острове, как нельзя лучше подходит к требованиям, предъявлявшимся к первичным поселениям и факториям, где условия безопасности играли, вероятно, не менее значительную роль, чем даже удобство сношений с местным населением.

Все же на Березани ко времени возникновения греческого поселения, повидимому, существовал уже местный поселок (или же он возник одновременно с греческим), о чем свидетельствуют жилые ямы, одна из которых, исследованная в 1931 г., была засыпана в начале VI в. О том же, видимо, говорят и остающиеся до сих пор неопубликованными скорченные погребения, обнаруженные в Березанском некрополе Г. А. Скадовским в 1900—1901 гг.¹

Весьма вероятно, что сохраненная греческой традицией дата основания Борисфена в 647/6 или в 645/4 гг. до х. э.² должна быть относима не к Ольвии, как это обычно делают, а именно к Березани, сохранившей до наших дней древнее название

¹ О. А. Артамонова, Древнейшее поселение на острове Березани, Краткие сообщения ИИМК, V, 1940, стр. 49—54.

² Евсевий, см. Латышев, Изв., т. I. стр. 670.

Борисфена.¹ Только по мере развития торговых сношений с окружающими племенами изолированное положение фактории должно было оказаться неудобным, а с другой стороны, наступление относительно более спокойных времен после скифо-кимерских столкновений и возрастающая сила греческих колонистов позволили, вероятно, перенести основное поселение на материк, на место Ольвии. Повидимому, это произошло в конце первой или в начале второй четверти VI в.²

Основной вопрос, связанный с проблемой возникновения Ольвии, это вопрос о наличии или отсутствии здесь местного более древнего поселения. Н. Я. Марр давно уже показал, что название города восходит к догреческим временам, и утверждал, что в Причерноморье «греки явились на готовые места. Они не строили городов, переселяясь сюда для своих торговых дел, а устраивались в существовавших городах».³ Археологического подтверждения этого положения мы пока что в Ольвии в полной мере не имеем, хотя С. И. Капошиной и была сделана попытка доказать наличие здесь местного («скифского») догреческого городища.⁴ Единичные находки древних предметов

¹ Вопрос о древнем названии поселения на Березани пока не решен. Возможно, что к нему следует относить „Эмпорий Борисфенитов“, упоминаемый у Геродота (IV, 17). Ср. M i n p s, указ. соч., стр. 451—452; Б. В. Фармаковский, МАР 34, стр. 16, прим. 1, возражает против отождествления эмпория Борисфенитов с Березанью; С. А. Жебелев. Что понимать под „Борисфеном“ в IOSPE-I² 24?, сборник „Ользия“, т. I, Киев, 1940, стр. 275—280, указывает, что „Эмпорий Борисфенитов“ — это не Ольвия, а может быть безымянный порт; М. Болтенко, До питания про час виникнення та назву дазної іонійської оселі над Борисфеном, Вісник Од. Ком. Краєзнавства, ч. 4—5, Одесса, 1930, стр. 35—39, считает, что на Березани возникло первое милетское поселение Борисфен, лишь впоследствии, в VI в., уступившее свою роль Ольвии (или перенесенное на место Ольвии).

² Ср. Е. И. Леви, Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии, Сов. Археология, VII, 1941, стр. 303—316.

³ Н. Я. Марр, Значение и роль изучения меньшинства в краеведении, „Краеведение“, 1927, № 1, стр. 13—14.

⁴ С. И. Капошина, Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник, ИГАИМК, вып. 100 (Из истории докапиталистических формаций), М.—Л., 1933, стр. 374 слл.

местной культуры, сделанные в Ольвии, относятся не к непосредственно догреческому периоду, а еще ко II тысячелетию до х. э. и, таким образом, в данной связи прямого интереса не представляют.¹ Вопрос о догреческой Ольвии, таким образом, пока остается открытым. Однако, Н. Я. Марр несомненно был прав в своем утверждении, что «греки явились на готовые места». Как мы пытались показать выше, в районе Днепровско-Бугского лимана, несомненно, существовали местные производственные центры с длительной культурной традицией, существовали поселения, которые хотя и не могут считаться «городами» в полном смысле слова, но вполне могли быть зачатками, из которых затем развивались бы местные города.

Березань и Ольвия, связавшие греков с древним культурным очагом в низовьях Днепра и Буга, в течение долгого времени являлись конечным звеном в цепи милетских поселений по западному побережью Черного моря. Тира и Истра являлись их ближайшими соседями с запада; основание этих последних колоний обычно относят также еще к VII в.; археологически дата эта пока не подтверждена.² Значительно позже (в конце VI в., судя по упоминанию у Гекатея) возникло греческое поселение на западном степном берегу Крыма в районе Евпатории (Керкинитиды).³

Несомненно, что греки в северо-западную часть Черного моря проникали используя морской путь от Босфора вдоль фракийского побережья, где постепенно возник целый ряд греческих поселений, к устьям больших рек — Дуная, Днестра, Буга, Днепра.⁴ Дальнейшие пути в глубь страны шли прежде

¹ Например, сверленный каменный рабочий топор (Эрмитаж, из раскопок Б. В. Фармаковского, № 14986) и такой же сверленный молот (тоже, из раскопок 1911 г., № 14925).

² А. Н. Зограф, Древний город Тира-Белгород-Аккерман, Краткие сообщения ИИМК, VIII, 1940, стр. 63—67.

³ Minns, указ. соч., стр. 491; ср.: М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9/10, стр. 161—165.

⁴ Последняя работа на эту тему: С. А. Семенов-Зусер, Торговый путь к Ольвии, Западное побережье Черного моря. Ученые записки Харьковского Гос. университета, № 19, 1940, мне осталась недоступной.

всего по этим рекам. В их устьях как раз и были основаны ранние греческие поселения: Истр в устье Дуная, Тира на Днестре и Борисфен (Березань—Ольвия) в Бугско-Днепровском лимане.

Выше мы видели, что этот морской каботажный путь был, повидимому, известен еще задолго до греков и что как в районе Тираса, так и в особенности в районе бугско-днепровского устья издавна сосредоточивались импортные предметы южного и юго-западного происхождения. К сожалению, как уже отмечено выше, мы пока еще не знаем мест поселений прибрежных племен непосредственно предгреческого периода и не можем поэтому сказать, возникли ли греческие поселения на новых местах или путем использования уже существовавших местных центров, местных поселений, например, в их непосредственном соседстве. Однако то обстоятельство, что в источниках мы имеем термин «эмпорий борисфенитов» или «торжище борисфенитов», позволяет считать, что в известной мере более ранние пункты обмена, несомненно, использовались греками.¹

Что местное население очень рано стало играть в какой-то мере активную роль в жизни греческих городов, видно хотя бы из факта наличия в раннем ольвийском некрополе, начиная с середины VI в., целого ряда скорченных погребений. Несмотря на невыясненность социальной роли соответствующей группы городского населения в ранней Ольвии, все же погребения эти свидетельствуют о наличии в городе не только греческого, но и местного, «скифского» населения, т. е. об известном сожителстве двух элементов в одном поселении.² Со временем количество скорченных погребений в некрополе сокращается и они совсем исчезают. При оценке этого изменения следует, однако, иметь в виду, что обряд погребения в скорченном положении выходит из употребления у скифского населения степей именно

¹ С. А. Жебелев в статье „Счастливые города“, Изв. ГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 352—362, на основании анализа термина „Ольвия“ приходит к выводу, что город возник на месте более древнего местного поселения „Олба“.

² С. И. Капoш и н а, Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, Советская Археология, VII, 1941, стр. 161—173.

в V—IV вв. Таким образом, сокращение этих погребений само по себе не говорит еще ни о слиянии местных элементов в населении города с греками, ни тем более о количественном сокращении этого элемента в составе населения.

Вторая группа упомянутых выше греческих привозных предметов VII в. связана с восточным морским путем. Обнаружение этих предметов в окрестностях Керчи и в двух пунктах в глубине бассейна Дона свидетельствует о том, что и здесь, на востоке, греческие мореходы и торговцы еще в конце VII и в самом начале VI вв. нашли возможности для сбыта своих товаров. Разница по сравнению с западным районом была только в том, что здесь вплоть до начала VI в. не возникло ни одного постоянного греческого поселения и что период доколониальной торговли здесь соответственно продолжался до более позднего времени.

Направление морского пути, который был использован этими первыми греческими мореходами, нам пока остается неясным.

Недавно М. И. Ростовцев высказал предположение, что в ионийской традиции о Скифии имеется две струи, одна из которых, представленная в дошедших до нас источниках у Геродота и псевдо-Гиппократа, отражает знакомство с западной Скифией и оставляет без внимания район Боспора и Кавказское побережье, тогда как у Гекатея отражено знакомство именно с областью Боспора и с восточной (азиатской, по греческой терминологии) частью Скифии.¹

Гипотеза М. И. Ростовцева, высказанная в слишком категорической форме, так как Геродот, несомненно, знает восточную часть северного Причерноморья и не говорит о ней подробно потому, что она не имеет отношения к его основной теме — походу Дария в Скифию, требует еще тщательной проверки. Объяснить такое состояние традиции можно было бы только тем обстоятельством, что греческие города северо-западного Причерноморья и района Киммерийского Боспора в VI—V вв.

¹ Rostovtzeff, *Iranians and Greeks*, 1922, стр. 62—64; М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, Л., 1925, стр. 18—22; Rostowzew, *Skythien und der Bosporus*, 1931, стр. 20—24.

находились не на одном, а на разных путях. Однако, независимо от решения вопроса об ионийской традиции, приведенные нами факты говорят о том, что как для бронзового века, так и для следующего периода доколониальной торговли греков нельзя допустить использование лишь одного пути вдоль всего побережья, будь то со стороны Фракии или со стороны Малой Азии, по которому достигали как устьев Днепра, так и области Боспора.

Во всяком случае, в этот последний район греки проникли иным путем, чем в район Борисфена.

Учитывать приходится три возможности: во-первых путь вдоль Кавказского побережья, от милетской Синопы и ее дочерней колонии Трапезунда до Боспора Киммерийского. В пользу такого пути можно было бы привести целый ряд соображений, в том числе, может быть, и ту особо тесную связь районов как Керченского пролива, так и Синопы, с Киммерийцами, которая отражена греческой традицией.

Второй возможный путь мог проходить открытым морем от малоазийских берегов в районе Синопы или позднейшей, основанной в середине VI в. (559 г. до х. э.). дорической Гераклеи Понтийской (теперь Ерегли) непосредственно к крымскому берегу.

Наконец, третий путь мог проходить вдоль фракийского побережья, затем, оставляя в стороне северо-западную часть Черного моря с Тирасом и Борисфеном, открытым морем к крымскому берегу (быть может в районе Гераклейского полуострова) и далее вдоль южного берега Крыма до Керченского пролива.¹

Отдать предпочтение какому-либо из этих трех направлений при современном состоянии наших знаний не представляется возможным. Что касается последних двух, то мы для рассматриваемого времени, повидимому, уже можем допустить использование открытых морских путей в таком замкнутом и относительно небольшом морском бассейне, каким является Черное

¹ Этот путь впервые засвидетельствован в перипле псевдо-Скилака (IV в. до х. э.), гл. 68: от Истра до мыса Бараний Лоб три дня и три ночи, а от Бараньего Лба до Пантикапея — один день и ночь. Херсонес в перипле не упомянут.

море. В пользу такого допущения говорит и отсутствие в известных на сегодняшний день материалах каких бы то ни было греческих изделий раннего времени (VII—VI вв.) на всем протяжении побережья от низовьев Днепра до области Боспора Киммерийского, с одной стороны, и, повидимому, также от последней до района Трапезунда — с другой.

Как бы то ни было, этими восточными путями греки еще в конце VII в. стали достигать района Боспора Киммерийского, а отсюда по Азовскому морю проникали и в устья Танаиса (Дона), если только находки в Криворожье и в Хоперском округе не свидетельствуют об использовании сухопутного пути из района Днепровского лимана и Березани на северо-восток, засвидетельствованного в более позднее время в рассказе Геродота (IV, 17—27).

Время основания греческих колоний в восточном Крыму и на Тамани для нас во многих случаях еще неясно, но мы пока нигде не имеем каких бы то ни было доказательств в пользу их возникновения в VII в. Даже Пантикапей, основание которого относили к концу VII — началу VI вв., не дал пока никаких материалов, подтверждающих такую раннюю дату, за исключением упомянутого выше погребения на Темир-Горе, несомненно к нему связанного с городом.¹

Самые ранние, притом единичные, находки в Пантикапее лишь немногим старше середины VI в.² В Нимфее наиболее

¹ Гипотеза Ростовцева о длительном догреческом периоде в истории Пантикапея, как одной из столиц киммерийского государства (напр., *Igarians and Greeks*, стр. 19), ничем не подтверждена. Имеющиеся единичные находки древних предметов местной культуры из района Пантикапея, так же, как и в Ольвии и Херсонесе, относятся ко II тысячелетию до х. э., а не ко времени, непосредственно предшествующему возникновению колоний. Они свидетельствуют о заселенности этих районов, но не о наличии здесь постоянных поселений, тем более городского типа. Для нашей темы эти находки прямого интереса не представляют. В частности, с горы Митридат, т. е. с территории Пантикапея, в собрании Эрмитажа имеется полированный клиновидный каменный топорик из эмеевика — вероятно, начала II тысячелетия до х. э.

² Книпович, указ. соч., стр. 104.

ранние остатки греческого поселения относятся к середине VI в.¹

На Таманском полуострове количество ранних находок, еще первой половины VI в. больше, чем в районе Керчи. К их числу относится и известное, вероятно, местное, погребение с родосской энохоей начала VI в., случайно обнаруженное в 1913 г. в районе Цукурского лимана, где не известно ранних греческих поселений.²

Из греческих городов Тамани наиболее ранний материал дало городище на месте Таманской станицы, может быть соответствующее древней Гермонассе, где особенно интересен ранний греческий могильник, примерно середины VI в., обнаруженный в 1925—1926 и исследованный в 1931 гг.³

Только во второй половине VI в. и в его конце мы в районе Боспора видим иную картину, определяемую наличием уже целого ряда греческих колоний и широким проникновением греческих предметов во все поселения Керченского и Таманского полуостровов. В это время существуют не только Пантикапей, но и Феодосия, Нимфей,⁴ Мирмекий и Тиритака⁵ на крымском берегу. На Тамани находки VI в. представлены в целом ряде поселений, в том числе в Фанагории,⁶ в Тамани (Гермо-

¹ Раскопки Эрмитажа в 1941.

² Е. Прушевская, Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове, ИАК, вып. 63, 1917, стр. 31—58; Ростовец в Скифия и Боспор, 1925, стр. 343 сл.; Rostowzew, Skythien und der Bosporus, 1931, стр., 306 сл.

В пользу понижения даты погребения свидетельствуют и наконечники стрел; видеть в бронзовой бляшке и „кирке“ малоазийские изделия сейчас у нас нет оснований, хотя точное происхождение обеих вещей пока еще остается невыясненным.

³ Б. Лунип., Новые археологические находки из Тамани, Наука и техника. Л., 1928, № 36, ст., 23—24; Lossewa, Zwei Klazomenische Vasen, Arch. Anz., 1929, ст. 43—47; А. А. Миллер, Таманская экспедиция ГАИМК в 1931г., СГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 67.

⁴ Раскопки Эрмитажа в 1939—1941 гг.

⁵ В. Гайдукевич, Раскопки Мирмекия и Тиритаки, ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 301, 303, 306, 313.

⁶ Материал конца VI в. в сборах Таманской экспедиции ГАИМК, 1930—1931 гг.

нассе?)¹ и в ряде других мест.² Повидимому, в это же время возникает и Горгиппия на месте современной Анапы.

Таким образом, в результате археологических работ последних 20 лет можно уверенно говорить о заселении района Боспора Киммерийского греками в период начиная с середины (отчасти, возможно, еще со второй четверти, как, напр. в Пантикапее, Мирмекии и в Таманской станице) и в течение второй половины VI в.

Большой интерес представляет вопрос о причинах, вследствие которых рассматриваемая группа поселений возникла позже колоний северо-западного Причерноморья. Ответ на этот вопрос, вероятно, может быть найден не только (и возможно — не столько) в географическом положении района, сколько в том обстоятельстве, что устья Днепра, Буга, Днестра издавна являлись районами сравнительно оживленного обмена и что там давно сложился определенный культурный центр, чего не было в догреческое время на Боспоре.

Мы выше видели, что путь с Кавказа через Тамань и Крым, вероятно, использовался задолго до появления греческих мореплавателей, но сношения по этому пути связывали древний культурный очаг Прикубанья (с центром в районе Майкопа) с северночерноморскими областями, только проходя через область Боспора. Лишь в совершенно единичных и, отчасти, сомнительных случаях можно было думать о наличии связей Боспора с югом, откуда позже проникли сюда греки. К тому же в непосредственно догреческий период, в VII в., связи северного Причерноморья с юго-востоком, в том числе с Прикубаньем, повидимому, в основном переключились на сухопутные степные пути, о чем мы также говорили выше.

Путь же через Керченский пролив к устьям Дона археоло-

¹ А. А. Миллер, Таманская экспедиция ГАИМК, СГАИМК, 1931, № 1, стр. 29.

² В сборах Таманской экспедиции ГАИМК 1930 и 1931 гг. греческий материал VI в. представлен еще на городищах у б. Фанагорийской крепости, восточнее станицы Таманской, и в коммуне „Искра“ на северном берегу Таманского залива, а также, на, вероятно, местных поселениях на горе Круглой и у хут. б. Павловского. Городище у б. хутора Артюховского, предполагаемые Кипр, при наших сборах не дало материала VI в.

гически впервые может быть прослежен только посредством двух упомянутых выше находок из Криворожья и из Хоперского округа, а также и смутным известием Плиния о карьерах в устье Танаиса.

Таким образом, в северо-западном Причерноморье греки воспользовались уже существовавшими путями и связями, основав свои поселения в области более ранних культурных очагов. Здесь же на Боспоре они должны были обосноваться в районе, не игравшем в культурном развитии окружающих стран до тех пор сколько-нибудь значительной роли, хотя и лежавшем на транзитном пути раннего обмена.

В пользу культурной отсталости Керченско-Таманского района по сравнению не только с Прикубаньем и Кавказом, но и со степями Приазовья и с Крымом, в период до VII в. говорит бедность их памятниками эпохи бронзы. Об этом же, возможно, свидетельствует и сохраненная до времени колонизации особо тесная связь этого района с именем киммерийцев, что как бы говорит о том, что процесс образования скифского общества лишь слабо затронул эти места. Из изложенного видно, что вряд ли возможно согласиться с уже упоминавшейся точкой зрения М. И. Ростовцева и Ю. В. Готье, отмечающих, что Боспор, в отличие от Ольвии, был расположен «посредине большой дороги из цивилизованных стран в южнорусские степи». ¹ В эпоху основания колоний соотношение этих двух районов было скорее обратным.

Перед греками-колонистами на Боспоре стояла задача не использования старых, а создания новых связей, задача использовать географическое положение Боспора, ставшее совершенно исключительно благоприятным только в новых условиях развитого мореходства по Черному и Азовскому морям и при новом, достигнутом к этому времени, уровне развития местного населения. Эта задача была реализована путем создания уже в V в. нового политического объединения греческих колоний и части окружающих племен — Боспорского царства.

¹ Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, I, 1925, стр. 208.

И здесь, на Боспоре, как и в северо-западном Причерноморье, археологические раскопки греческих городов почти не дали еще материала, который позволил бы решить вопрос, возникли ли эти города на местах или в связи с уже существовавшими поселениями местного населения, или же они были основаны на новых местах. Только в отдельных случаях мы в этом направлении имеем некоторые указания. Наиболее веским из них является явно негреческая топонимика большинства греческих городов (например Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и др.). В некоторых пунктах мы имеем также находки догреческого времени на месте греческих городов. Так, например, неисследованное до сих пор городище Анапы — Горгиппии дало при поверхностных сборах отдельные черепки посуды, несомненно, догреческого времени. При разведочных раскопках на городище восточнее Таманской станицы у б. Фанагорийской крепости мною в 1930 г. в основании культурного слоя (приблизительно начала V в.) найден был черепок черного лощеного сосуда ранне-скифского типа, т. е. непосредственно предшествующего греческой колонизации времени.

Однако, с другой стороны, например, при раскопках на большом городище в Таманской станице, позднейшей Тмутаракани (в древности Гермонасса или Корокондама?) экспедицией 1930—1931 гг., было установлено залегание греческого культурного слоя VI в. до х. э. непосредственно на нетронutom материке.¹

На Керченском полуострове, в Камыш-Буруне, древней Тиритаке, во время раскопок 1934 г. в нижнем культурном слое обнаружен ряд черепков ранне-скифских орнаментированных сосудов и греческой расписной керамики начала 2-й половины VI в. до х. э.² Таким образом, здесь наличие поселения еще до возникновения в конце VI в. греческого города является несомненным. Особенно интересна с этой точки зрения находка

¹ А. А. Миллер, Таманская экспедиция ГАИМК, СГАИМК, 1931, № 1, стр. 29.

² Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, Раскопки юго-зап. части Тиритаки. Мат. и иссл. по археологии СССР, № 4, М. — Л., 1941, стр. 40—41, рис. 53—54.

на этом же городище в кладке V в. трех заложённых в качестве строительного материала каменных стел,¹ относящихся, повидимому, к первым векам I тысячелетия до х. э. и имеющих ближайшие аналогии в подобных же стелах из Белогрудовки на Уманьщине² и из Хаманджи в Румынии на Черноморском побережье.³

Обломки ранней скифской лощеной и орнаментированной керамики вместе с греческой керамикой VI в. найдены в городище древнего Мирмекия.⁴ Тут же был найден и еще более древний кремневый наконечник стрелы.⁵

Таким образом, в Тиритаке, Мирмекии, Горгиппии и на городище у Фанагорийской крепости мы можем как будто уловить связь «греческого» поселения с предшествующим поселением местных племен, однако, пока ни в одном пункте не установлено наличия сколько-нибудь мощного культурного слоя догреческого времени. Наоборот, городище Таманской станицы как будто свидетельствует о возникновении греческого поселения на новом месте. Вряд ли, однако, таким наблюдениям, при относительно небольшом масштабе выполненных раскопок, следует придавать решающее значение, и дальнейшая разработка этого вопроса является важнейшей задачей исследователей греческих колоний Причерноморья. В пользу того, что греческие поселения не только возникали вблизи и в связи с поселениями местного населения, но что это население отчасти жило в самих греческих городах, повидимому, говорит обнаружение скорченных погребений

¹ Б. Ф. Гайдукевич, Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове, ВДИ, 1937, № 1, стр. 220; Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, указ. соч., стр. 39, рис. 50—51.

² А. Куринний, Білогрудівські кам'яні стели, Записки Всеукр. Археол. Комітету, I, Киев, 1931, стр. 195, рис. 2—3.

³ V. Parvan, La „Statue-menhir“ de Hamangia, Dacia, II, Bucharest, 1925, стр. 422 слл; ESA IX, 1934, стр. 41, рис. 33.

⁴ В. Ф. Гайдукевич и др., Раскопки северной и западной частей Мирмекия, Мат. и иссл. по археологии СССР, № 4, 1941, стр. 128, рис. 26; 129, рис. 29.

⁵ Там же, стр. 130, рис. 30.

в некрополе Фанагории во время раскопок последних лет.¹ Следует при этом иметь в виду, что в предскифское время обряд погребения в скорченном положении характерен не для всех областей Кавказа и, в частности, в степном Прикубагье господствующим является погребение в вытянутом положении, тогда как в горных районах Кавказа и в Крыму преобладают погребения скорченные.

Таким образом, мы видим, что впервые завязавшиеся в VII в. торговые сношения греков с северным Причерноморьем, к концу VI в. привели к образованию двух групп ионийских торговых поселений: одной, более ранней, в северо-западной части Черного моря и второй, несколько более поздней, в районе Боспора Киммерийского.

IX

Импорт греческих изделий в причерноморские степи в VI в.

Со времени основания постоянных греческих поселений импортные греческие изделия должны были во все большем количестве проникать в среду местного населения. И, действительно, мы знаем в степях значительно больше греческих вещей VI в., чем мы могли указать для VII в.

К сожалению, специальной сводки по раннему импорту греческих изделий в Скифию мы до сих пор не имеем, а дать ее в порядке нашего изложения нет никакой возможности.

Ограничимся поэтому только несколькими замечаниями по этому вопросу.

Во-первых на западе, в Приднепровье, греческие изделия VI в. проникают до Подолии, до Киевщины, повидимому до южных районов Черниговщины. Среди привозных вещей мы имеем целый ряд ранних, первой половины и середины VI в., представленных опять-таки предметами роскоши. В числе их можно, например, указать на ранней коринфский арибалл из кургана на Лысой горе близ Лубен, почему-то не упоминаемый ни в одной из сводных работ по Скифии, кроме статьи А. А.

¹ В. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг., ВДИ, 1940, № 34, стр. 290.

Спицына.¹ К концу VI в. относится появление среди импорта таких предметов, как греческие амфоры для вина, а также и некоторые ювелирные изделия, часть которых, возможно, доставлялась греческими торговцами, хотя и не являлась изделиями греческих мастеров. К числу последних можно, вероятно, отнести предметы, найденные вместе с греческой амфорой второй половины VI в. в кургане у с. Емчеха б. Киевской губернии.² Здесь обнаружен серебряный браслет с золотыми львиными головками на концах и пара золотых серег или наушных украшений, в виде круглого золотого щита со скульптурной львиной головкой — умвоном посредине. По характеру работы, форме предметов и изобразительным элементам на них, можно думать, что они относятся не к собственно-ионийскому производству, а скорее к малоазийским изделиям лидийского, фригийского и т. п. происхождения.³ То обстоятельство, что в Ольвии найдено 5 пар подобных же серег,⁴ несомненно, указывает на путь, по которому эти вещи проникли в Скифию, но стиподь не доказывает еще их греческого, ионийского происхождения, как полагал, хотя и без особой уверенности, Б. В. Фармаковский.

Во-вторых, следует остановиться на некоторых ранних гре-

¹ Труды VIII Археол. съезда, т. IV, М., 1897, табл. LXXXII; хранился после 1917 г. в Полтавском музее. Ср. А. А. Спицын, Скифы-пахари ИАК, вып. 65, 1918, стр. 121. По классификации Humfry Payne, данной в его монографии *Necrocorinthia*, Oxford, 1931, арибалл датируется годами 625—600 (Early Corinthian), или 600—575 (Middle Corinthian).

² Б. В. Фармаковский, Архаический период в России, МАР, 34, 1914, табл. XII, 7—8 (браслет), IX, 6—7 (серьги) и рис. 4 на стр. 31 (амфора). Ср.: Археол. Изв. и Заметки, I, 1893, стр. 19—20.

³ К браслету из Емчехи наиболее близкую аналогию представляет бронзовый браслет, обтянутый серебром, с золотыми львиными головками на концах, найденный в Камейросе на о. Родосе: Marshall, *Catalogue of the Jewellery in the British Museum*, 1911, табл. XIII, № 1205. Сходные браслеты отсюда же: № 1204, 1206, 1207 на той же таблице. Близкие, хотя и несколько более поздние браслеты имелись и в собрании Нелидова, см. Pollak, *Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze...* von Nelidow in Rom Leipzig, 1903, табл. XVII., № 400 и № 402.

⁴ Фармаковский, указ. соч., табл. IX 1—5 и стр. 24—26.

ческих изделиях, найденных в Прикубанье, в группе Келермесских курганов.

В числе этих вещей находится ряд изделий из серебра, как, например, золоченое зеркало¹ и ритон² ранней ионийской работы, относимые Шефольдом ко 2-й четверти VI в.³ К этой группе можно присоединить сохранившийся в отдельных обломках неизданный серебряный сосудик Краснодарского музея с изображениями быков, хищников (?) и астральных знаков. Последний по стилю своих изображений является ионийским или малоазийским и, возможно, несколько более архаичным, чем оба предмета из Келермеса. Сосудик этот найден в музее в фондах дореволюционного времени, и место находки его остается неизвестным.

В отношении этих ранних вещей можно говорить с уверенностью о проникновении их на Кубань еще до основания греческих колоний на Боспоре. Следовательно, остается нерешенным лишь вопрос, можем ли мы в них видеть результат доколониальной торговли греческих купцов, доставлявших свои товары на Боспор, или же эти предметы могли попасть на Кубань вместе с вещами восточного происхождения сухопутным путем из Закавказья или из бывших урартских областей, где торговые сношения с греческими городами южного Причерноморья должны были установиться еще в VII в.⁴ Обе эти возможности мы

¹ Rostovtsev, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, табл. VI. Ср. Н. Рауне, *Necrocorinthia*, Oxford, 1931, стр. 231; Ebert, *Reallexikon der Vorgeschichte*, VI, табл. 81 A.

² Radet, *Cybébé*, 1909, рис. 25.

³ Scheffold, *Der skythische Tierstil*, ESA, XII, 1938, стр. 9. Об отсутствии в Келермесских курганах греческой керамики и несостоятельности их датировки второй половиной VI в. см. мою статью „Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа“ в сб. „Моздокский могильник“ изд. Эрмитажа, 1940, стр. 37—38.

⁴ Ростовцев, *Скифия и Боспор*, 1925, стр. 333 (*Skythien und der Bosphorus*, 1931, стр. 297) указывает, что келермесские ритон и зеркало скорее проникли через южное Причерноморье, чем через Ольвию или Пантикапей. Об урартских бронзовых изделиях в Греции и Этрурии, свидетельствующих о ранних торговых связях, см.: Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, II, 2, Berlin, 1930, стр. 539; E. Herzfeld, *Khattische und chaldische Bronzen*, Janus, I, Wien, 1921, стр. 145 сл.

должны иметь в виду, хотя вторая и кажется более вероятной. За возможность использования морского пути говорит между прочим факт находки восточных вещей в станице Крымской, т. е. вблизи удобных Новороссийской и Анапской бухт, о чем мы упоминали выше.

Несколько более поздние греческие изделия, вроде бронзовой ручки котла в виде оленя из Ульского аула¹ и чернофигурных ваз из Ульского же аула² и из Воронежской станицы,³ могли попасть на Кубань уже через посредство вновь возникших греческих колоний на Тамани.

Наконец, третий вопрос, на котором нам следует остановиться, касается распределения импортных греческих вещей VII—VI вв. в степях Восточной Европы. Мы можем совершенно определенно наметить три района, в которых этот импорт распространялся.

Первый и самый обширный из этих районов связан с северо-западным побережьем Черного моря и охватывает правобережную Украину и часть левобережья, вплоть до лесостепной полосы на севере. Второй район обнимает Керченский и Таманский полуострова и Прикубанье, примерно до поворота Кубани на запад у г. Крапоткина. Третий район — Подонье — отличается наиболее слабой насыщенностью греческими вещами. Чрезвычайно любопытным является то обстоятельство, что греческие изделия концентрируются во всех этих районах, с одной стороны, в непосредственной близости греческих поселений на побережье, а с другой — в глубине страны, на большом удалении от моря — на Киевщине и Полтавщине, в Закубанье и на среднем течении Кубани. Менее отчетлива картина на Нижнем Дону. Такое распределение находок свидетельствует, вероятно, не только о наличии в указанных районах сложившихся культурных очагов, но, возможно, также и о характере хозяйственного использования территории местными племенами скотово-

¹ Известия Росс. Акад. ист. матер. культуры, т. II, П., 1922, стр. 193—203, табл. 15, ручка датируется началом VI в.; Schefold, указ. соч., стр. 14 — самым его концом.

² ОАК, 1898, стр. 32, рис. 47.

³ ОАК, 1903, стр. 73, рис. 138.

дов-кочевников (на Дону), полукочевников (на Кубани) или оседлых (на Киевщине и Полтавщине). Надо думать, что кубанские «скифы» зимовали в долине Кубани и прилегающих местностях, а летом выходили со своими стадами в горы западного Кавказа. Донские племена, по предположению А. А. Миллера,¹ зимовали в долине нижнего Дона и в его дельте, а летом кочевали вверх по реке на север. Такая же картина, вероятно, была на левобережье нижнего Днепра, тогда как на Киевщине и Полтавщине оседлые поселения скифских племен, повидимому, находились в районе южной границы лесостепи, где длинной полосой от Подолии до Харьковщины тянутся ранние скифские городища, в числе их знаменитое Бельское — на востоке и упомянутое выше Немировское — на западе. Летние кочевки табунов и стад этих племен совершались, вероятно, на юг, в степь, где они неизбежно встречались с прибрежными племенами.

Таким образом в целом можно говорить о концентрации нахонок в предположительных районах постоянного обитания (или зимовок) местных племен.

X

Расширение греческой колонизации в V веке

Нам остается рассмотреть, как развивался процесс греческой колонизации в дальнейшем, уже в V в., когда в сферу его воздействия были вовлечены остальные районы северного Причерноморья, первоначально не привлекавшие греческих поселенцев.

Прежде всего следует коснуться вопроса о Херсонесе, последнем по времени основания из игравших позднее ведущую роль греческих городов в северном Причерноморье. Расположенный в области тавров, этот город возник лишь в последней четверти V в. (около 422—421 гг. до х. э.), что можно считать доказанным после специального исследования А. И. Тюменева.²

¹ Незаконченное и неизданное описание курганного могильника у ст. Елисаветовской в Донской дельте (рукопись приблизительно 1931—1933 гг.).

² А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 245—264; С. А. Жебелев, Возникновение Херсонеса Таврического ДАН-В, 1930, № 9, стр. 157—162.

Поводом для переселения сюда колонии из Гераклеи Понтийской (и с Делоса) послужили события Пелопонесской войны. Однако вряд ли есть причины сомневаться в том, что целью основания колонии и в случае Херсонеса являлась торговля с местным населением.¹ Если же стать на эту точку зрения, то на первый взгляд непонятным может показаться, почему именно этот район, занимающий исключительно благоприятное и важное положение на черноморских морских путях, так поздно привлек греков-колонистов.

Разъяснение этого вопроса, как нам кажется, возможно только при учете состояния местного населения в рассматриваемое время. Все, что мы знаем о таврах по греческим источникам раннего времени, рисует их нам как племя дикое, негостеприимное, несомненно, более отсталое в своем развитии, чем степные скифские племена.² Эти исторические сведения дополняются и археологическими памятниками, показывающими, что в VI—V вв. до х. э. племена юго-западного Крыма значительно отставали в культурном отношении от своих соседей в крымской степи. Пока очень недостаточно изученные, эти памятники, представленные, главным образом, погребениями в каменных ящиках, отличаются архаическим характером мегалитической конструкции, коллективными захоронениями в скорченном положении, отсутствием показателей имущественной и социальной дифференциации и другими признаками, характерными для ранних ступеней эпохи варварства.³

¹ Е. Н. Миннс, указ. соч., стр. 440, отмечает, что первоначальное заселение Херсонеса, в отличие от всех остальных колоний, возможно не было связано с торговыми целями.

² Последняя сводка дана в статье В. Н. Дьякова, Древняя Таврика до римской оккупации. ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 72—86.

³ Уваров, Мегалитические памятники в России, Древности, VI, 3, стр. 269—290; VIII, 3, стр. 187—245; также VII, стр., 30—31; Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, вып. 30, 1909, стр. 127—155; е го же, О так называемых дольменах Крыма, Изв. Тавр. уч. арх. ком., вып. 44, 1910, стр. 11—24; е го же, Предполагаемые древности тавров, Известия Тавр. общ. ист., археол. и этногр., т. I, 1927, стр. 137—140, С. А. Семенов-Зусер. Сообщения ГАИМК, 1931, № 7, стр. 23—25; е го же, Таврские мегалиты, Наукові записки. Харків. Держ. Педаг. Інст., V, 1940, стр. 115—161.

Таким образом, по всей совокупности наших сведений можно совершенно определенно утверждать, что таврские племена в начальный период греческой колонизации еще не достигли высшей ступени варварства, на которой в VII—VI вв. уже находились скифы, а следовательно, в их среде еще не выделилась прослойка экономически мощной племенной знати, в первую очередь предъявляющей спрос на импортные предметы роскоши. Передаваемые греками сведения об убийстве или принесении в жертву богам пленных и попавших на таврские берега чужеземцев¹ свидетельствуют об отсутствии института рабства. Таким образом, в местной среде юго-западного и южного Крыма отсутствовал и спрос на греческие товары и предложение рабов, основного эквивалента, предлагавшегося первоначально в обмен на них в степных районах Причерноморья. В этом, а не в «крайней бедности» населения,² причина позднего поселения здесь греков.

Мы еще не можем охарактеризовать процесс внутреннего развития таврских племен в VII—V вв. до х. э. впрямь до детального изучения местных археологических материалов, но, очевидно, это развитие как в силу внутренних причин, так и в результате сношений с более подвинувшимися соседями, в первую очередь со скифами степного Крыма, за это время протекало такими темпами, что к последней четверти V в. сложилась новая обстановка, позволившая грекам вступить с населением юго-западного Крыма в такие же, в первую очередь торговые, постоянные сношения, какие они в течение уже двух столетий поддерживали с населением северо-западного Причерноморья, а свыше столетия — с племенами Боспора Киммерийского. Вероятно, часть таврских племен, обитавшая вдоль южного берега Крыма, еще некоторое время продолжала оставаться, в силу большей своей отсталости, вне этих сношений, о чем, возможно, свидетельствует почти полное отсутствие находок

¹ Геродот, I, 103; IV, 103; Ср. также предание об Ифигении: Аноупт periplus, § 79 (Латышев, Изв., I, 283).

² Дьяков, указ. соч., стр. 86.

греческих изделий доэллинистического времени на всем этом участке.¹

В Херсонесе, как и в Ольвии и на Боспоре, взаимоотношения греческих поселенцев с местным населением после основания города не ограничивалось лишь одной торговлей и военными столкновениями. Мы здесь видим ту же самую картину проникновения местных элементов в среду городского населения с самого раннего времени. Это доказывается наиболее убедительно большой серией скорченных, т. е., несомненно, местных погребений в наиболее древнем Херсонесском некрополе конца V — начала IV вв.²

Вторым позднейшим колониальным предприятием греков, представляющим значительный интерес с точки зрения нашей темы, является основание Танаиса в устье Дона выходцами из Боспорского царства. После работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1923—1928 гг. на Нижнем Дону, старое предположение П. Леонтьева и А. А. Миллера, полагавших, что первоначальный Танаис находился на месте городища у станицы Елисаветовской,³ может считаться доказанным.⁴

¹ Единичные черепки греческой керамики VI—V вв. найдены в ур. Форос: Н. И. Репников, Предполагаемые древности тавров, Изв. Тавр. общ. ист., арх. и этн., т. I, (53), 1927, стр. 140; немногочисленные обломки краснофигурных ваз IV в. найдены при раскопках 1935 г. на Ай-Тодоре: В. Н. Дьяков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 86, прим. 1, В. Д. Блаватский и Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг., ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 334. упоминает лишь доримские находки IV—I вв. до х. в. без указания их состава.

² Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 г., ГИЗ Крыма, 1938, стр. 163—195. С. И. Капошина, Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, Советская Археология, VII, 1941, стр. 161—173, Предположение последнего автора, что в херсонесских погребениях мы должны видеть не тавров, а скорее скифов, ничем не доказывается.

³ П. Леонтьев, Археологические розыскания на месте древнего Танаиса. Прописи, IV, М., 1854, стр. 504—519; А. А. Миллер, К вопросу о Танаисе, Гермес, 1909, № 3, стр. 77—79.

⁴ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104 (Сборник „Из истории Боспора“) М—Л, 1934, стр. 111—201, в особенности стр. 183 сл. Ср.: С. А. Жебелев, Боспорские этюды, III. Был ли Танаис разрушен Полемоном?, там же стр. 37—45, Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 1931, стр. 137.

Как показала в своем исследовании Т. Н. Книпович, возникновение здесь боспорского поселения следует, на основании результатов раскопок, относить к рубежу V и IV вв., причем ранее здесь существовало местное поселение с находками, характерными для нижнедонской так называемой II культуры, представленной наиболее ярко в Кобяковом городище у станицы Аксайской. Эта культура характеризует локальный вариант в развитии доскифского населения нашего юга, особенности которого определяются большим удельным весом рыболовства в системе хозяйства и рядом своеобразий в материальной культуре, особенно в керамике, выделяющей нижнедонские поселения начала I тысячелетия до х. э. из среды синхроничных им памятников скотоводческих степных племен.

II кобяковская культура хронологически, несомненно, захватывает раннескифское время, что доказывается находкой в этом слое единичного ионийского черепка, не старше VI в. до х. э.,¹ а, может быть, и более позднего времени. Выше залегания этого черепка находилась еще значительная толща слоя II культуры. Еще выше залегала стерильная прослойка, перекрытая, в свою очередь, культурным слоем римского времени первых веков нашей эры.

Таким образом, можно считать, что в Кобяковом городище II культура существовала еще в V в., хотя А. А. Миллер первоначально полагал, что она, относясь к «доскифской» эпохе, может быть непосредственно ей предшествует,² т. е. в абсолютных датах, очевидно, достигает только VII—VI вв.

На основании наблюдений в Елисаветовском городище Т. Н. Книпович отмечает переживание поздних форм «II кобяковской» культуры в керамике V и даже начала IV вв. до х. э.,

¹ Определение черепка дано Б. В. Фармаковским, место его залегания охарактеризовано по моим личным наблюдениям. См.: Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв., ИГАИМК; вып. 104, 1935, стр. 108, прим.

² А. А. Миллер, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в 1924 и 1925 гг., СГАИМК, I, 1926, стр. 125.

уже в сочетании с греческим материалом.¹ Между тем не только в Кобяковом городище, но и в городище станицы Гниловской, также подвергнувшись раскопке, а судя по подъемному материалу, и во всех других нижнедонских городищах, отсутствуют находки периода между «II культурой» и временем около начала христианской эры.²

На основании первых отчетов А. А. Миллера, Ростовцев выдвинул предположение об оставлении Кобякова городища в связи с завоеванием рассматриваемой области скифами «не позже VII века», тогда как возобновление жизни на нем связывается не с первичным основанием Танаиса, а с его новым расцветом в римское время.³

Если вторая половина этого тезиса не вызывает фактических возражений, то в свете приведенных данных первая его часть требует значительного изменения. Прекращение жизни на нижнедонских городищах, кроме Елисаветовского, хронологически совпадает примерно именно со временем основания Танаиса выходцами из Пантикапея. Нельзя не поставить эти явления во внутреннюю связь между собой. Очевидно, создание крупного торгового центра в устьях Дона на первых порах привело к сосредоточению в нем всего населения дельты, причем возможно и насильственное уничтожение ряда соседних поселений.

Нужно при этом помнить, что Танаис никогда не был чисто греческим поселением, а с самого начала своего существования отличался от других колоний гораздо более резко выраженным смешанным характером.⁴

Большой «скифский» курганный могильник IV и следующих

¹ Т. Н. Книпович, там же; е е же, Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской, стр. 173—175.

² А. А. Миллер. Археол. работы Северо-Кавказской экспедиции в 1926 и 1927 гг. СГАИМК, т. II, 1927, стр. 91—100.

³ Ros towzew Skythien und der Bosporus, 1931, стр. 147.

⁴ Ср. В. Ф. Миллер Эпиграфические следы иранства на юге России, ЖМНП, 1886, Октябрь, стр. 232; его же Осетинские впадины, III, М, 1887; С. А. Жебелев. Боспорские впадины. Был ли Танаис разрушен Полемоном? Сб. „Из истории Боспора“, ИГАИМК, вып. 104, стр. 44—45 (варварские имена в римское время).

беков, исследованный в 1908—1914 гг. А. А. Миллером и расположенный непосредственно около Елисаветовского городища, рассказывает, что боспорцы в Танаисе поддерживали теснейшую связь с кочевниками-скотоводами, а не с бедными и отсталыми поселками рыболовов, что и могло привести к уничтожению последних.

Наоборот, в VII—VI вв. во время перехода степняков на высшую ступень варварства, вновь сложившееся «скифское» общество никак не нарушило жизни нижнедонских городищ, продолжавших сосуществовать с кочевниками-скифами, что доказывается, например, известным Ушаковским курганом конца VI в. вблизи Елисаветовской станицы.¹

Таким образом, относительно небольшие археологические работы, проведенные в устье Дона, уже позволили выяснить некоторые конкретные вопросы, характеризующие взаимоотношения пришельцев-греков с местным населением.

Для полноты картины развития греческой колонизации необходимо еще указать, что в течение V в. (если не несколько раньше) возникло греческое поселение в, вероятно, более древнем городе Фазисе в устье Риона, пока еще археологически не найденном. Об этом говорит надпись на серебряной фиале V в., найденной в сарматском погребении у хутора Зубова на Кубани; эта надпись, датируемая концом V или самым началом IV вв., говорит о принадлежности чаши храму Аполлона в Фазисе.²

С IV в. мы знаем упоминания Диоскуриады, находившейся, вероятно, на месте современного Сухуми. Находки греческих изделий V—IV вв. в большом числе встречаются и во многих других, пока не подвергавшихся изучению местах древней Колхиды и кавказского побережья. Мы знаем их от района Ба-

¹ Kieseritzky, Arch. Anz. XVII, 1902, стр. 44. Архив ИИМК, дело ИАК, 1901/240. О дате кургана см.: Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях, стр. 109—110. Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 1931, стр. 471. Schefold, указ. соч., стр. 33.

² ИАК, вып. 1, 1901, стр. 99—100; Minns, указ. соч., стр. 231—232.

туми до Сухуми и Гудауты.¹ Дальше на север, примерно от Гагр до Новороссийска, не было сколько-нибудь обстоятельных обследований памятников интересующего нас времени, и судить уверенно об отсутствии или наличии здесь греческих импортных изделий мы пока не можем. В этой части побережья крупных греческих колоний во всяком случае не было, население этих районов (керкеты, зихи, ахеи, гениохи) в греческих источниках характеризуется как дикие пираты. Тем не менее плавания греков вдоль этого побережья, несомненно, практиковались, и греческие изделия могли попадать в среду местного населения.

Таким образом, в общем итоге, мы можем теперь установить, что только в конце V — начале IV вв. до х. э., т. е. ко времени после окончания Пелопонесской войны и после отступления 10 000 греков Ксенофонта, побережья Черного моря действительно опоясались цепью греческих поселений, связавших изолированную группу колоний на Боспоре с остальными греческими городами в одно почти сплошное кольцо. Только с конца V в. в общение с греками были втянуты в полной мере все племена северного Причерноморья, не только скотоводы приднепровских, крымских и кубанских степей, но и племена Приазовья и горное население южного Крыма и Кавказского побережья. Процесс греческой колонизации был в основном завершен.

Рассмотрение этого процесса на его позднем этапе вновь подтверждает его закономерный характер — мы видим, что районы, отстававшие в своем развитии от общего уровня степных «скифских» племен, в последнюю очередь привлекают к себе внимание греков. Следовательно, не непосредственно географическое их положение, а достигнутый уровень культурного развития местного населения, возможность установления с ним регулярных торговых сношений, определял время основания постоянных греческих поселений. Используя современный термин, мы бы сказали, что экономическая, а не физическая география Причерноморья в развитии этого процесса играла главную роль.

¹ А. А. Иессен, Отчет Сухумской экспедиции ГАИМК в 1935 г. (рукопись); А. Л. Лукин, Археологии Бзыбской Абхазии, Труды ОИПК, т. I, 1941, стр. 72, № 35.

Последствия основания колоний

Последствия возникновения постоянных греческих поселений на северных берегах Черного моря не замедлили сказаться на всем дальнейшем культурном развитии страны. Впервые в своей истории население причерноморских степей вошло в постоянное, повседневное общение с представителями классового общества, притом передового по тому времени греческого общества. Общение это, протекавшее иногда в форме военных столкновений, все же в основном имело мирный характер. Мирный торговый обмен являлся его приводным ремнем. В этих условиях и технические достижения, и хозяйство, и социальные отношения греческого общества не могли не оказать глубокого влияния на местное население. Эти влияния значительно ускорили процессы местного исторического развития; их можно проследить решительно во всех областях культуры скифских племен в V и IV вв. до х. э. Однако ярче всего нарастающая интенсивность сношений местного населения с греками улавливается в археологическом материале.

Прежде всего, еще в течение VI в., во второй его половине, мы видим значительное нарастание количества импортных греческих изделий в скифских археологических памятниках, причем постепенно изменяется и их качественный состав, их ассортимент. При сохраняющемся преобладании предметов роскоши в собственном смысле слова, в числе привозных предметов появляются и постепенно приобретают все больший удельный вес и изделия, предназначенные для повседневного бытового использования. Таковы, например, греческие амфоры (служившие, вероятно, первоначально для доставки вина, т. е. в известной мере также бывшие предметами роскоши), бытовая ионийская посуда и некоторые другие предметы.

Несколько позже, но в общем очень скоро вслед за возникновением греческих колоний, в составе вещественного комплекса археологических памятников, сохранившихся как от местного населения, так и от колоний, появляется новая группа изделий, не импортных, но изготовленных в греческих городах.

В этих изделиях отразился следующий, по существу уже выходящий за пределы нашей темы, этап в развитии взаимоотношений греков-колонистов с местным населением, превращение первоначально чисто торговых поселений, распространяющих продукцию мастерских своей метрополии, в самостоятельные производственные центры. В колониях возникает собственное производство не только таких продуктов и изделий, которые обеспечивают греческих поселенцев всем необходимым и заменяют им привычные изделия их родины (как, например, различные виды глиняной посуды, черепицы и т. п.). Наряду с этими производствами очень рано появляются и такие отрасли, которые рассчитаны специально на экспорт продукции как в среду местных племен — причем учитываются вкусы и потребности местного населения, в первую очередь его знати (особенно ярко это видно на производстве предметов роскоши), так и в Ионию и собственно Грецию (например, рыбозасолочное дело).

Процесс превращения торговых колоний в производственно-торговые центры протекает, повидимому, довольно быстро и притом не одновременно в различных районах греческой колонизации.

Раньше всего мы его можем проследить в северо-западной части Черного моря, где он в основном завершается уже к рубежу VI и V вв. Об этом свидетельствует большое число находок в Ольвии и в прилегающих районах. Мы, например, знаем теперь, что в Ольвии и на Березани существовало производство бронзовых наконечников стрел скифского типа,¹ в районе Ольвии изготовлялись бронзовые бляхи — украшения конского убора.² Рано появляется также собственная ольвийская монета,³ одно из первых производств каждой самостоя-

¹ Собрания Одесского историко-археологического музея; ср. Б. Н. Г р а к о в. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. сб. „Техника камня и металла“, Труды секции археологии РАНИОН. V, М., 1930, стр. 70—90 и табл. V.

² Литейная форма из Марицина: Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Архаический период в России. МАР. 34, 1914; стр. 31. рис. 8; E b e r t, Prähist. Zeitschrift, V, 1913, стр. 9, рис. 6; его же, Südrussland im Altertum, 1921, стр. 168. рис. 96.

³ М и н н а, указ. соч., стр. 482—485.

тельной греческой колонии. Одним из интереснейших показателей развития нового производства, скорее всего где-то в Ольвийском районе, являются бронзовые зеркала VI в до х. э., сочетающие раннюю греческую форму (круглый диск с закраиной, снабженный боковой ручкой в той же плоскости) с местными элементами в обработке ручки, чаще всего украшенной на концах фигурами одного или двух животных, исполненных в скифском «зверином» стиле.¹ Эти зеркала, распространенные от Венгрии до центрального Предкавказья и до южного Приуралья, несомненно, при тщательном изучении позволят сделать интересные выводы о развитии торговых сношений в VI в.²

К той же группе колониального производства следует отнести несколько более поздний, украшенный фризом чисто греческих пальметок медный котел скифского типа из кургана V в. Раскопана могила на Днепропетровщине.³

Раннее металлическое производство Ольвии, в деталях еще не изученное, вероятно, включало и обработку драгоценных металлов. Во всяком случае вероятно, что исключительные по своему значению находки из Феттерсфельде в Бранденбурге вышли из мастерских Ольвии или Тиры.⁴

С другой стороны, и местное население начинает производить продукцию специально для торговли с греками, как это видно, например, из сообщения Геродота (IV, 17), что скифы-

¹ Minns, указ. соч., стр. 178, рис. 73; Фармаковский, указ. соч., стр. 27, табл. X, 4 и 6; XIV, 1—3; в этих работах приведена старая литература о зеркалах разбираемого типа. Из новых публикаций подобных зеркал укажем: M. v. Roska, Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens, ESA, XI, 1937, стр. 176, рис. 15; стр. 179, рис. 17, 18 и 20; T. Suliński, Seytowie na zachodniem Podolu, Lwów, 1936, стр. 139 сл.

² Вопрос о внутренних торговых путях в пределах степной полосы в предскифское и скифское время пока еще слабо разработан. Несомненно, что освещение этой проблемы в дальнейшем позволит полнее охарактеризовать также и роль отдельных групп греческих поселений.

³ ОАК, 1897, стр. 82, рис. 200; Minns, указ. соч., стр. 79, рис. 21; Scheffold, указ. соч., стр. 35, рис. 26.

⁴ О значении [находок из Феттерсфельде см.: A. Furtwängler, Der Goldfund von Vetttersfelde; XLIII. Winckelmannsprogramm, Berlin, 1883 и во многих позднейших работах: см.: Minns, указ. соч., стр. 236—259.

пахари «сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу».

В области более молодых городов Боспора Киммерийского местное производство развивается только в течение V в. Одним из наиболее ранних образцов подобных изделий является известная золотая пластина, изображающая оленя, из кургана Куль-оба (1-я пол. V в.). Воспроизводя традиционный местный художественный сюжет, мастер-грек вместо органически вкомпанованных дополнительных звериных изображений, наложил на своего оленя ряд чисто греческих фигур животных, совершенно не связанных с основным изображением.¹ К концу столетия это колониальное производство на Боспоре в некоторых областях, например в художественной обработке драгоценных металлов, достигает чрезвычайно высокого уровня. Повидимому, из боспорских мастерских вышел целый ряд памятников мирового значения. Из них достаточно назвать относящиеся к самому концу V в. золотой гребень и серебряные сосуды из кургана Солоха, электровую вазу из Куль-Обы, а также серебряную вазу начала IV в. из Чертомлыка.² Совершенно несомненно, что множество типов золотых бляшек также изготовлено в мастерских Пантикапея и других боспорских городов. Боспорское монетное дело и, может быть, краснофигурные вазы «керченского» стиля являются дальнейшими показателями роста художественного производства на Боспоре. Однако нет никакого сомнения, что, наряду с ним, возникло и развивалось производство и бытовой посуды, и оружия и множества других предметов, служивших для удовлетворения потребностей как самих колонистов, так и местного населения.

Приведенных немногих примеров достаточно, чтобы показать, какой богатый источник для изучения истории производ-

¹ Миппс, указ. соч., стр. 203, рис. 98. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности. II, СПб, 1889, стр. 149, рис. 126.

² Вопрос о месте изготовления указанной группы художественной керамики в литературе не является решенным. Мы присоединяемся к точке зрения М. И. Ростовцева, видевшего в ней продукцию боспорских мастерских (напр.: Rostovtzeff, *Iranians and Greeks*, 1922, стр. 109—112; Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 461—463).

ства в греческих колониях имеется в нашем распоряжении. Дальнейшее исследование материала, выяснение области и путей распространения изделий ольвийских, боспорских и других колониальных мастерских, несомненно, вскроет нам многие стороны торговых и культурных взаимоотношений греков и местного населения в период существования причерноморских колоний.

К сожалению, нужно признать, что, несмотря на продолжающееся уже свыше ста лет археологическое исследование, этот круг вопросов все еще очень слабо изучен. Не выяснены или дискуссионны датировки многих групп местных изделий, не определена принадлежность их определенным производственным центрам. Особенно много неясностей имеется в отношении производств, обслуживавших местное «скифское» население. Если нумизматика греческих городов изучается уже очень давно,¹ если многие отрасли прикладного искусства освещены и в до-революционные и в последующие годы с достаточной полнотой, например боспорская декоративная живопись,² боспорские надгробные рельефы,³ то производство в колониях орудий труда, оружия, всякого рода хозяйственного инвентаря, бытовой посуды, черепицы и других строительных материалов, продуктов питания⁴ и т. п., а из области прикладного искусства торевтика и ювелирное дело стали привлекать внимание исследователей только в самое последнее время. В результате мы пока можем назвать только несколько отдельных исследований по частным,

¹ См. старые монографии Кёне (1857), кн. Сибирского (1859), Бурачкова (1884); ряд работ А. Л. Бертье-Делагарда и А. В. Орешникова. Новая сводная монография по истории монетного дела в греческих городах северного Причерноморья закончена в 1940 г. покойным А. Н. Зографом.

² М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, СПб., 1914.

³ K i e s e r i t z k y u n d W a t z i n g e r, *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin. 1909.

⁴ Почти единственное исключение составляет старая работа: K o e h l e r *Τάρικος ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale*. Mém. de l'Acad. des Sciences de St. Pétersbourg sér. VI, t. I, 1832, стр. 347—490.

иногда второстепенным, вопросам¹ и ни одной обобщающей исторической работы, представляющей процесс возникновения и развития местного производства в греческих колониях северного Причерноморья в целом или в отдельных городах.

Между тем процесс роста местного колониального производства являлся основным и решающим фактом для всего дальнейшего развития взаимоотношений местного населения и греков.

После случайных посещений побережья греческими мореходами, после периода временных факторий и доколониальной торговли, наконец, после периода существования постоянных колоний как чисто торговых центров, превращение этих поселений в крупные производственные очаги является закономерным четвертым этапом в развитии сношений причерноморских племен с греками. Только с этого времени греческие города, игравшие первоначально посредническую роль между «скифами» и метрополией, стали органической частью культурного комплекса северного Причерноморья. Только с этого времени мог начаться исторический процесс слияния культуры греческой и местной, наиболее интенсивно протекавшей на Боспоре и приведший к созданию смешанной культуры, уже не греческой, но и не собственно местной, которая ярко выступает в позднейшем Боспорском царстве эллинистического и римского времени. Менее законченно этот же процесс, однако, имел место и во

¹ Например: Т. Н. Книрович, *Die Keramik römischer Zeit aus Olbia, Materialien zur römisch-germanischen Keramik*, 4, Frankfurt a/M., 1929, с. е. же, *Из истории художественной керамики северного Причерноморья*, Сов. Археология, VII, 1941, стр. 140—151; В. Ф. Гайдукевич, *Античные керамические обжигательные печи*, Изв. ГАИМК; вып. 80, 1934; с. е. же, *Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы)*, Сб. „Из истории Боспора“, Изв. ГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 211—315.

В. Ю. Марти, *Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия*, Сов. Археология, VII, 1941, стр. 94—106.

Вопросами металлического производства в Ольвии занимались Е. О. Прушевская и Л. Д. Дмитров, *боспорской торевтикой* — А. П. Манцевич.

всех других районах греческой колонизации. Эти вопросы выйдут далеко за пределы нашей темы.

В нашей же связи необходимо еще указать, что именно возникновение новых производственных центров в самих греческих городах на Понте Эвксинском создало возможности для такого роста торговых сношений с населением смежных областей, и для настолько полного удовлетворения его разнообразных потребностей, при которых связи с юго-востоком, связи по кавказско-переднеазиатскому пути очень скоро, еще в конце VI и особенно в течение V вв., отошли на второй план, потеряв то первенствующее значение, которое временно, в VII и начале VI вв., им принадлежало.

Нужно все же сказать, что эти восточные связи у населения наших степей никогда не обрывались и особенно в восточной части Скифии, в Прикубанье, они всегда выступают очень отчетливо. Так, например, в Семибратних курганах конца V и IV вв. до х. э. мы отчетливо можем проследить импорт из Закавказья и из ахеменидского Ирана. Однако приоритет от восточных связей и от сухопутных кавказских путей прочно переходит к связям с греками и к путям морским.

Заключение

Мы пришли к концу нашей попытки рассмотреть вопрос о причинах и условиях греческой колонизации северного Причерноморья со стороны местного исторического процесса.

Нам пришлось коснуться целого ряда неясных и неразработанных исторических и археологических проблем, от последнего разрешения которых, несомненно, будет зависеть та или иная формулировка ответов по частным вопросам. Из числа таких нерешенных проблем можно назвать вопрос о киммерийской культуре; вопрос о степени участия северо-причерноморских племен в событиях VII в. в Передней Азии; вопрос о взаимоотношениях скифов с фракийскими племенами; далее вопрос о «карийцах» в Причерноморье и о доионийской колонизации; затем вопрос о связи греческих поселений с более древними местными поселениями и о дате основания многих из греческих

колоний. Наконец, целый комплекс проблем, связанных с изучением импорта греческих изделий в степи и местного производства в колониях.

Однако, несмотря на эти и другие неясности, все же основной вывод, к которому мы сейчас можем прийти, мне кажется бесспорным — это вывод о том, что греческую колонизацию северного Причерноморья нельзя рассматривать односторонне, только с точки зрения истории Греции, греческих племен и греческой культуры. Неверно, что «ионийцы были первыми распространителями культуры, первыми, кто положил здесь основы цивилизации». ¹ Колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса, она была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения наших степей. Только помня об этом, можно плодотворно изучать историю взаимоотношений греков-колонистов со скифами, таврами и другими местными племенами.

Наряду с этим общим выводом мы можем подвести итоги к более частным вопросам, послужившим нашей специальной темой.

Рассмотренные нами факты показывают следующее:

1) Возникновение греческих колоний на северном побережье Черного моря было подготовлено развивавшимися издавна, в течение полутора тысячелетий, меновыми сношениями населения наших степей с южными странами, в том числе и со странами Эгейского бассейна.

2) Переход степных племен северного Причерноморья на высшую ступень варварства, окончательное оформление «скифского» общества происходят ранее возникновения постоянных греческих поселений на северном побережье. Скифское общество складывается независимо от греческого влияния. Только с переходом местного населения на высшую ступень варварства создаются условия для основания колоний и их дальнейшего развития.

¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, МАР, вып. 34, 1914, стр. 78.

3) Скифское общество в VII и в начале VI вв. в своих внешних сношениях ориентируется как на страны Передней Азии, через Кавказ, так и на греческий мир, причем первоначально связи с юго-востоком являются более интенсивными. Лишь по мере замены доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний связи с греками получают все больший перевес над связями с юго-востоком.

4) Историческая последовательность греческой колонизации северночерноморских побережий отражает, наряду с физико-географическим моментом, в основном степень развития местного населения, возможность установления с ним постоянных торговых сношений, наличие с его стороны соответствующего спроса и предложения. Сначала, после южного и западного побережий Черного моря, колонизируется район Днепровско-Бугского лимана (VII в.); в VI в. следует область Боспора Киммерийского; в конце V в. — экономически отсталые области тавров (Херсонес), Нижнего Дона (Танаис) и Кавказского побережья.

Этим итогом можно закончить нашу работу. Остается только сказать, что затронутые в ней темы требуют дальнейшей разработки, которая должна протекать коллективно, с участием как специалистов по истории Греции и греческой культуры, так и специалистов по местным культурам северного Причерноморья, а также и по истории Передней Азии. Своей работой я хотел бы еще раз подчеркнуть необходимость всестороннего рассмотрения вопроса, бесплодность изолированного подхода к нему.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИМЕНЯЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВЛИ — Вестник древней истории, Москва.
- ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР, серия В.
- Древности — Древности, Труды Московского Археологического общества.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
- ИИМК — Институт истории материальной культуры Ака. Наук СССР.
- Латышев, Изв. — В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I—II, 1900—1906.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАР — Материалы по археологии России.
- ОАК — Отчет Археологической комиссии.
- РАНИИ — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов.
- РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
- СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры.
- ТРУДЫ ОИПК — Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
- Arch. Anz. — Archäologischer Anzeiger, Berlin.
- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki.

Введение	
I. Из истории вопроса	
II. Сношения северного Причерноморья с югом в III и в начале II тысячелетия до х. э.	
III. Сношения северного Причерноморья с югом во II тысячелетии до х. э.	
IV. Сношения северного Причерноморья с югом в начале I тысячелетия до х. э.	
V. События VII века в истории причерноморских племен	
VI. Сношения северного Причерноморья со странами юго-востока в VII—VI веках	
VII. Сношения северного Причерноморья с греками в VII веке	
VIII. Возникновение постоянных греческих поселений в северном Причерноморье в VI веке	
IX. Импорт греческих изделий в причерноморские степи в VI веке	
X. Расширение греческой колонизации в V веке	
XI. Последствия основания колоний	
Заключение	

Описание помещенных в книге карт:

Рис. 1 (карта к стр. 16). Сношения северного Причерноморья с южными странами в конце III и начале II тыс. до х. э.

Рис. 2 (карта к стр. 24). Сношения северного Причерноморья с южными странами во II тыс. до х. э.

Рис. 3 (карта к стр. 32). Сношения северного Причерноморья с южными странами в начале I тыс. до х. э.

Рис. 4 (карта к стр. 80). Греческая колонизация северного Причерноморья в VII—V вв. до х. э.